

Билингва

Маленькие женщины

Луиза Мэй Олкотт

Москва
2022

Chapter 1

PLAYING PILGRIMS

“Christmas won’t be Christmas without any presents,” grumbled Jo, lying on the rug.

“It’s so dreadful to be poor!” sighed Meg, looking down at her old dress.

“I don’t think it’s fair for some girls to have plenty of pretty things, and other girls nothing at all,” added little Amy, with an injured sniff.

“We’ve got Father and Mother, and each other,” said Beth contentedly from her corner.

The four young faces on which the firelight shone brightened at the cheerful words, but darkened again as Jo said sadly,

“We haven’t got Father, and shall not have him for a long time.”

She didn’t say “perhaps never,” but each silently added it, thinking of Father far away, where the fighting was.

Nobody spoke for a minute; then Meg said in an altered tone,

“You know the reason Mother proposed not having any presents this Christmas was because it is going to be a hard winter for everyone; and she thinks we ought not to spend money for pleasure, when our men are suffering so in the army. We can’t do much, but we can make our little sacrifices, and ought to do it gladly. But I am afraid

Глава 1

ИГРА В ПИЛИГРИМОВ

— **К**акое же это Рождество без подарков, — проворчала Джо, лежа на ковре.

— Как ужасно быть бедной! — вздохнула Мэг, опустив взгляд на свое старое платье.

— Я думаю, несправедливо, что у одних девочек так много красивых вещей, а у других вообще ничего нет, — добавила маленькая Эми, оскорбленно фыркнув.

— У нас есть папа и мама, и друг у друга есть мы, — с удовлетворением сказала Бет, сидя в своем углу.

Четыре юных лица в свете камина просияли от этих ободряющих слов, но снова помрачнели, когда Джо печально сказала:

— Папы у нас нет и не будет еще долго.

Она не сказала «возможно, никогда», но все про себя добавили это, думая о том, что отец далеко, там, где шла война.

С минуту все молчали; тогда Мэг сказала совсем другим тоном:

— Вы знаете, что мама предложила не дарить ей никаких подарков на это Рождество, потому что это будет тяжелая зима для всех; и она думает, что мы не должны тратить деньги на удовольствия, когда мужчины так страдают на войне. Мы не много можем сделать, но мы можем принести свои маленькие жертвы,

I don't." And Meg shook her head, as she thought regretfully of all the pretty things she wanted.

"But I don't think the little we should spend would do any good. We've each got a dollar, and the army wouldn't be much helped by our giving that. I agree not to expect anything from Mother or you, but I do want to buy UNDINE AND SINTRAM for myself. I've wanted it so long," said Jo, who was a bookworm.

"I planned to spend mine in new music," said Beth, with a little sigh, which no one heard but the hearth brush and kettle holder.

"I shall get a nice box of Faber's drawing pencils. I really need them," said Amy decidedly.

"Mother didn't say anything about our money, and she won't wish us to give up everything. Let's each buy what we want, and have a little fun. I'm sure we work hard enough to earn it," cried Jo, examining the heels of her shoes in a gentlemanly manner.

"I know I do — teaching those tiresome children nearly all day, when I'm longing to enjoy myself at home," began Meg, in the complaining tone again.

"You don't have half such a hard time as I do," said Jo. "How would you like to be shut up for hours with a nervous, fussy old lady, who keeps you trotting, is never satisfied, and worries you till you're ready to fly out the window or cry?"

"It's naughty to fret, but I do think washing dishes and keeping things tidy is the worst work in the world. It makes me cross, and my hands get so stiff, I can't practice well at all." And Beth looked at her rough hands with a sigh that any one could hear that time.

и должны сделать это с радостью. Но я боюсь, что не смогу. — И Мэг покачала головой, так как она с сожалением подумала обо всех красивых вещах, которые она хотела.

— Но я не думаю, что то небольшое, что мы должны потратить, может принести какую-то пользу. У каждой из нас есть по доллару, и солдатам вряд ли поможет то, что мы пожертвуем им свои деньги. Я согласна не ждать подарков ни от мамы, ни от вас, но я очень хочу купить себе «Ундину и Синтрама». Я так давно хотела эту книгу, — сказала Джо, которая была книжным червем.

— Я планировала потратить свой доллар на новые ноты, — сказала Бет с легким вздохом, которого никто не слышал, кроме каминной щетки и прихватки для чайника.

— Я куплю красивую коробку с карандашами Фабер. Они мне очень нужны, — решительно сказала Эми.

— Мама ничего не говорила о наших деньгах, и она не хочет, чтобы мы во всем себе отказывали. Пусть каждая из нас купит то, что хочет, и мы все доставим себе немного радости. Уверена, мы достаточно много работаем, чтобы это заслужить! — воскликнула Джо, по-мужски разглядывая каблуки своих туфель.

— Я знаю, что заслуживаю, обучая этих надоедливых детей целыми днями, хотя не терпится отдохнуть дома, — снова начала Мэг жалобным тоном.

— У вас нет и половины таких проблем, как у меня, — сказала Джо. — Как бы вам это понравилось, если бы вас часами держали взаперти с нервной сварливой старухой, которая не дает вам покоя, всегда недовольна и донимает вас так, что хочется выброситься в окошко или заплакать?

— Нехорошо жаловаться, но я думаю, что нет хуже работы, чем мыть посуду и поддерживать порядок в доме. Терпеть этого не могу, и руки как деревянные — не могу нормально играть на пианино. — И Бет посмотрела на свои мозолистые руки со вздохом, который на этот раз услышали все.

“I don’t believe any of you suffer as I do,” cried Amy, “for you don’t have to go to school with impertinent girls, who plague you if you don’t know your lessons, and laugh at your dresses, and label your father if he isn’t rich, and insult you when your nose isn’t nice.”

“If you mean libel, I’d say so, and not talk about labels, as if Papa was a pickle bottle,” advised Jo, laughing.

“I know what I mean, and you needn’t be statirical about it. It’s proper to use good words, and improve your vocabulary,” returned Amy, with dignity.

“Don’t peck at one another, children. Don’t you wish we had the money Papa lost when we were little, Jo? Dear me! How happy and good we’d be, if we had no worries!” said Meg, who could remember better times.

“You said the other day you thought we were a deal happier than the King children, for they were fighting and fretting all the time, in spite of their money.”

“So I did, Beth. Well, I think we are. For though we do have to work, we make fun of ourselves, and are a pretty jolly set, as Jo would say.”

“Jo does use such slang words!” observed Amy, with a reproving look at the long figure stretched on the rug.

Jo immediately sat up, put her hands in her pockets, and began to whistle.

“Don’t, Jo. It’s so boyish!”

“That’s why I do it.”

“I detest rude, unladylike girls!”

“I hate affected, niminy-piminy chits!”

— Не думаю, что кто-нибудь из вас страдает так же, как я, — воскликнула Эми, — ведь вам не нужно ходить в школу с нахальными девчонками, которые издеваются над вами, когда вы не выучили уроки, и смеются над вашими платьями, и клеят этикетки на вашего отца, потому что он небогат, и оскорбляют вас, если ваш нос не слишком хорош.

— Если ты имеешь в виду «клеят позором», то я бы согласилась, но не говори об этикетках, папа же не банка с огурцами, — смеясь, предложила Джо.

— Я прекрасно знаю, что имею в виду, и не смей надо мной насмехаться. Лучше сама правильно употребляй слова и улучшай свой лексикон, — с достоинством парировала Эми.

— Не ругайтесь, девочки. Джо, неужели ты не хотела бы, чтобы папа не лишился денег тогда, когда мы были маленькими? О Боже! Какими бы мы были счастливыми и как нам было бы хорошо, если бы у нас не было забот! — сказала старшая сестра Мэг, которая еще помнила лучшие времена.

— Ты сказала на днях, что считаешь нас гораздо счастливее детей Кингов, потому что они постоянно ссорятся и задираются, хотя они и богаты.

— Да, я правда так говорила, Бет. Ну, я считаю, что так и есть. Потому что, хотя мы и вынуждены работать, мы постоянно дурачимся, и мы довольно развеселая компания, как сказала бы Джо.

— Джо слишком много ругается! — заметила Эми, с упреком посмотрев на длинную фигуру, растянувшуюся на ковре.

Джо тут же села, положила руки в карманы и начала насвистывать.

— Не надо так делать, Джо. Это выглядит по-мальчишески!

— Вот потому я это и делаю.

— Я не выношу грубых, неженственных девочек!

— Ненавижу манерных, жеманных глупышек!

“Birds in their little nests agree,” sang Beth, the peacemaker, with such a funny face that both sharp voices softened to a laugh, and the “pecking” ended for that time.

“Really, girls, you are both to be blamed,” said Meg, beginning to lecture in her elder-sisterly fashion. “You are old enough to leave off boyish tricks, and to behave better, Josephine. It didn’t matter so much when you were a little girl, but now you are so tall, and turn up your hair, you should remember that you are a young lady.”

“I’m not! And if turning up my hair makes me one, I’ll wear it in two tails till I’m twenty,” cried Jo, pulling off her net, and shaking down a chestnut mane. “I hate to think I’ve got to grow up, and be Miss March, and wear long gowns, and look as prim as a China Aster! It’s bad enough to be a girl, anyway, when I like boy’s games and work and manners! I can’t get over my disappointment in not being a boy. And it’s worse than ever now, for I’m dying to go and fight with Papa. And I can only stay home and knit, like a poky old woman!”

And Jo shook the blue army sock till the needles rattled like castanets, and her ball bounded across the room.

“Poor Jo! It’s too bad, but it can’t be helped. So you must try to be contented with making your name boyish, and playing brother to us girls,” said Beth, stroking the rough head with a hand that all the dish washing and dusting in the world could not make ungentle in its touch.

“As for you, Amy,” continued Meg, “you are altogether to particular and prim. Your airs are funny now, but you’ll grow up an affected little goose, if you don’t take care. I like your nice manners and refined ways of speak-

— Птички в своих гнездышках живут мирно, — пропела миротворица Бет с таким уморительным выражением лица, что резкий тон девочек смягчился от смеха, а «пикировка» на время прекратилась.

— Правда, девочки, вы обе виноваты, — сказала Мэг, начав читать нотации в своей манере старшей сестры. — Ты уже взрослая, пора бы оставить мальчишеские шалости и вести себя как подобает, Джозефина. Когда ты была маленькой девочкой, это не было так важно, но теперь, когда ты так выросла и убираешь волосы в пучок, тебе надо помнить, что ты юная леди.

— Я не такая! И если из-за своей прически я кажусь юной леди, то я буду носить хвостики, пока мне не исполнится двадцать! — воскликнула Джо, снимая с волос сетку и встряхивая своей каштановой гривой. — Мне тошно думать, что я должна вырасти и стать мисс Марч, носить длинные платья и выглядеть чопорной, как китайская астра! Хватит и того, что я родилась девочкой, хотя я люблю играть с мальчиками, работать и вести себя так же, как они! И почему я не мальчик? А сейчас все хуже, чем когда-либо, потому что я очень хочу пойти воевать вместе с папой. А все, что я могу, — это оставаться дома и вязать, как убогая старуха!

И Джо стала трясти синим армейским носком так, что спицы загремели, как кастаньеты, а клубок запрыгал по всей комнате.

— Бедная Джо! Очень жаль, но ничего не поделаешь. Придется тебе довольствоваться тем, что ты превратила свое имя в мужское и играешь роль брата перед нами, девочками, — сказала Бет, приглаживая взерошенные волосы Джо рукой, прикосновение которой не могло бы сделать грубым никакое мытье посуды или вытирание пыли.

— Что касается тебя, Эми, — продолжила Мэг, — ты слишком привередлива и чопорна. Твое важничанье сейчас выглядит смешным, но ты можешь вырасти жеманной маленькой гусыней, если не обратишь на это

ing, when you don't try to be elegant. But your absurd words are as bad as Jo's slang."

"If Jo is a tomboy and Amy a goose, what am I, please?" asked Beth, ready to share the lecture.

"You're a dear, and nothing else," answered Meg warmly, and no one contradicted her, for the 'Mouse' was the pet of the family.

As young readers like to know 'how people look', we will take this moment to give them a little sketch of the four sisters, who sat knitting away in the twilight, while the December snow fell quietly without, and the fire crackled cheerfully within. It was a comfortable room, though the carpet was faded and the furniture very plain, for a good picture or two hung on the walls, books filled the recesses, chrysanthemums and Christmas roses bloomed in the windows, and a pleasant atmosphere of home peace pervaded it.

Margaret, the eldest of the four, was sixteen, and very pretty, being plump and fair, with large eyes, plenty of soft brown hair, a sweet mouth, and white hands, of which she was rather vain. Fifteen-year-old Jo was very tall, thin, and brown, and reminded one of a colt, for she never seemed to know what to do with her long limbs, which were very much in her way. She had a decided mouth, a comical nose, and sharp, gray eyes, which appeared to see everything, and were by turns fierce, funny, or thoughtful. Her long, thick hair was her one beauty, but it was usually bundled into a net, to be out of her way. Round shoulders had Jo, big hands and feet, a flyaway look to her clothes, and the uncomfortable appearance of a girl who was rapidly shooting up into a woman and didn't like it. Elizabeth, or Beth, as everyone called her, was a rosy, smooth-haired, bright-eyed girl of thirteen, with a shy

внимание. Мне нравятся твои хорошие манеры и изысканная речь, когда ты не стараешься казаться элегантной. Но твои нелепые выражения так же неуместны, как и словечки Джо.

— Если Джо — девчонка-сорванец, а Эми — гусыня, то кто же тогда я, скажи, пожалуйста? — спросила Бет, готовая выслушать нотацию.

— Ты прелесть, и больше ничего, — ответила Мэг с теплотой, и никто не стал с ней спорить, потому что Мышка, как ее называли дома, была любимицей всей семьи.

Так как юные читатели всегда интересуются, как выглядят персонажи, мы воспользуемся этим моментом, чтобы набросать для них небольшой эскиз четырех сестер, которые были заняты вязанием в сумерках, пока за окном тихо падал декабрьский снег, а в камине весело потрескивал огонь. Комната была уютной, хотя ковер вытерся, а мебель была очень простой: несколько неплохих картин висело на стенах, книги заполняли полки в нишах вокруг окон, хризантемы и пуансетии цвели на подоконниках, и уютная атмосфера гармонии наполняла дом.

Маргарет, старшей из четырех, было шестнадцать, она была очень симпатичной, пухленькой и спокойной, с большими глазами, густыми мягкими каштановыми волосами, милым ротиком и белыми руками, которыми она особенно гордилась. Пятнадцатилетняя Джо была очень высокой, худой и смуглой и напоминала жеребенка, потому что она, казалось, никогда не знала, куда пристроить свои длинные конечности, которые ей очень мешали. У нее были четко очерченные губы, комичный нос и острые серые глаза, которые, казалось, все замечали и были то сердитыми, то странными, то задумчивыми. Длинные густые волосы были ее единственной привлекательной чертой, но обычно она убирала их в пучок и накрывала сеткой, чтобы они ей не мешали. Джо сутулилась, у нее были крупные кисти рук и ступни, и беглого взгляда на

manner, a timid voice, and a peaceful expression which was seldom disturbed. Her father called her 'Little Miss Tranquility', and the name suited her excellently, for she seemed to live in a happy world of her own, only venturing out to meet the few whom she trusted and loved. Amy, though the youngest, was a most important person, in her own opinion at least. A regular snow maiden, with blue eyes, and yellow hair curling on her shoulders, pale and slender, and always carrying herself like a young lady mindful of her manners. What the characters of the four sisters were we will leave to be found out.

The clock struck six and, having swept up the hearth, Beth put a pair of slippers down to warm. Somehow the sight of the old shoes had a good effect upon the girls, for Mother was coming, and everyone brightened to welcome her. Meg stopped lecturing, and lighted the lamp, Amy got out of the easy chair without being asked, and Jo forgot how tired she was as she sat up to hold the slippers nearer to the blaze.

"They are quite worn out. Marmee must have a new pair."

"I thought I'd get her some with my dollar," said Beth.

"No, I shall!" cried Amy.

"I'm the oldest," began Meg, but Jo cut in with a decided,

"I'm the man of the family now Papa is away, and I shall provide the slippers, for he told me to take special care of Mother while he was gone."

ее одежду было достаточно, чтобы убедиться, как некомфортно было девочке от того, что она стремительно превращалась в женщину, и как сильно ей это не нравилось. Элизабет, или Бет, как все ее называли, была румяной светлоглазой девочкой тринадцати лет, с гладкими волосами, с застенчивыми манерами, робким голосом и выражением спокойствия на лице, которое редко чем-то нарушалось. Отец называл ее Маленькая мисс Безмятежность, и это прозвище идеально ей подходило, потому что она, казалось, жила в своем собственном счастливом мире, лишь иногда отваживаясь покинуть его, чтобы встретиться с теми немногими, кому она доверяла и кого по-настоящему любила. Эми, младшая сестра, была самой важной персоной, по крайней мере, по ее личному мнению. Настоящая снегурочка с голубыми глазами и вьющимися на концах светлыми волосами до плеч, бледная и стройная, и всегда держащая себя как барышня, не забывающая о своих манерах. Описание же характеров четырех сестер мы прибережем на потом.

Часы пробили шесть, и, выметя золу из камина, Бет поставила к огню пару домашних туфель, чтобы их согреть. Каким-то образом вид старой обуви хорошо действовал на девочек, потому что мама должна была скоро прийти и они желали скорее ее встретить. Мэг перестала читать нотации и зажгла лампу, Эми встала с кресла, хотя ее об этом никто не просил, а Джо забыла, как сильно она устала, сев и подвинув туфли поближе к огню.

— Они довольно поношенные. Нужно купить мамочке новые.

— Я подумывала купить ей новые туфли за свой доллар, — сказала Бет.

— Нет, я куплю! — воскликнула Эми.

— Я старшая, — начала Мэг, но Джо решительно вмешалась:

— Я теперь мужчина в семье, пока папы нет дома, и я куплю ей туфли, потому что он велел мне заботиться о ней, пока он не вернется.

“I’ll tell you what we’ll do,” said Beth, “let’s each get her something for Christmas, and not get anything for ourselves.”

“That’s like you, dear! What will we get?” exclaimed Jo.

Everyone thought soberly for a minute, then Meg announced, as if the idea was suggested by the sight of her own pretty hands,

“I shall give her a nice pair of gloves.”

“Army shoes, best to be had,” cried Jo.

“Some handkerchiefs, all hemmed,” said Beth.

“I’ll get a little bottle of cologne. She likes it, and it won’t cost much, so I’ll have some left to buy my pencils,” added Amy.

“How will we give the things?” asked Meg.

“Put them on the table, and bring her in and see her open the bundles. Don’t you remember how we used to do on our birthdays?” answered Jo.

“I used to be so frightened when it was my turn to sit in the chair with the crown on, and see you all come marching round to give the presents, with a kiss. I liked the things and the kisses, but it was dreadful to have you sit looking at me while I opened the bundles,” said Beth, who was toasting her face and the bread for tea at the same time.

“Let Marmee think we are getting things for ourselves, and then surprise her. We must go shopping tomorrow afternoon, Meg. There is so much to do about the play for Christmas night,” said Jo, marching up and down, with her hands behind her back, and her nose in the air.

“I don’t mean to act any more after this time. I’m getting too old for such things,” observed Meg, who was as much a child as ever about ‘dressing-up’ frolics.

— Я скажу вам, как мы поступим, — сказала Бет, — давайте каждая подарит маме что-нибудь на Рождество, а себе мы покупать ничего не будем.

— Это так похоже на тебя, дорогая! А что же мы ей подарим? — воскликнула Джо.

Все на минуту глубоко задумались, а потом Мэг объявила о своем решении, словно эта идея была подсказана ей видом ее собственных симпатичных рук:

— Я подарю ей пару хороших перчаток.

— Армейские ботинки, что может быть лучше! — воскликнула Джо.

— Несколько носовых платков с подрубленными краями, — сказала Бет.

— Я куплю флакончик духов. Ей они нравится и стоят недорого, так что у меня останется немного денег, чтобы купить себе карандаши, — добавила Эми.

— А как же мы вручим ей все эти подарки? — спросила Мэг.

— Положим их на стол, приведем ее и будем смотреть, как она открывает свертки. Разве вы не помните, мы так делали в дни нашего рождения? — ответила Джо.

— Я так испугалась, когда подошла моя очередь сидеть в кресле в короне и смотреть, как вы все подходите, чтобы вручить мне подарки и поцеловать. Мне понравились подарки и поцелуи, но было так страшно, когда вы сидели и смотрели на меня, пока я открывала свертки, — сказала Бет, в то время как огонь одновременно подрумянивал ее щеки и гренки к чаю.

— Пусть мамочка думает, что мы покупаем подарки себе, а затем мы устроим ей сюрприз. Мы должны пойти по магазинам завтра после обеда, Мэг. Нам еще так много надо подготовить для спектакля в Рождественскую ночь, — сказала Джо, горделиво расхаживая туда-сюда, сцепив руки у себя за спиной.

— Я последний раз участвую в таком спектакле. Я слишком взрослая для подобных вещей, — заметила Мэг, которая была сущим ребенком во всем, что касалось шалостей с «переодеванием».

“You won’t stop, I know, as long as you can trail round in a white gown with your hair down, and wear gold-paper jewelry. You are the best actress we’ve got, and there’ll be an end of everything if you quit the boards,” said Jo. “We ought to rehearse tonight. Come here, Amy, and do the fainting scene, for you are as stiff as a poker in that.”

“I can’t help it. I never saw anyone faint, and I don’t choose to make myself all black and blue, tumbling flat as you do. If I can go down easily, I’ll drop. If I can’t, I shall fall into a chair and be graceful. I don’t care if Hugo does come at me with a pistol,” returned Amy, who was not gifted with dramatic power, but was chosen because she was small enough to be borne out shrieking by the villain of the piece.

“Do it this way. Clasp your hands so, and stagger across the room, crying frantically, ‘Roderigo Save me! Save me!’ and away went Jo, with a melodramatic scream which was truly thrilling.

Amy followed, but she poked her hands out stiffly before her, and jerked herself along as if she went by machinery, and her “Ow!” was more suggestive of pins being run into her than of fear and anguish. Jo gave a despairing groan, and Meg laughed outright, while Beth let her bread burn as she watched the fun with interest.

“It’s no use! Do the best you can when the time comes, and if the audience laughs, don’t blame me. Come on, Meg.”

“Then things went smoothly, for Don Pedro defied the world in a speech of two pages without a single break. Hagar, the witch, chanted an awful incantation over her

— Ты не прекратишь этим заниматься, уж я-то знаю, пока у тебя есть возможность разгуливать в белом одеянии с распущенными волосами и носить украшения из золотой бумаги. Ты лучшая актриса из всех нас, и нашему театру придет конец, если ты покинешь сцену, — сказала Джо. — Нам нужно провести репетицию прямо сейчас. Иди сюда, Эми, и повтори сцену с обмороком, потому что ты играешь в ней так зажато, будто аршин проглотила.

— Ничего не могу с этим поделать. Я никогда не видела, как падают в обморок, и я не хочу вся покрыться синяками, рухнув плашмя, как ты. Если у меня получится упасть естественно, я так и сделаю. Если я не смогу, то опущусь в кресло, и это будет выглядеть изящно. Мне все равно, даже если Гуго будет наставлять на меня пистолет, — возразила Эми, которая была лишена драматического таланта, но ее выбрали на эту роль потому, что она была достаточно маленькой, чтобы злодей из пьесы мог унести ее, пронзительно вопящую, за кулисы.

— Сделай вот как. Сожми руки так и отступай, пошатываясь и неистово крича: «Родриго, спаси меня! Спаси меня!» — И Джо удалялась с мелодраматическим криком, который был поистине душераздирающим.

Эми повторила за ней, но вытянула прямые руки так скованно и рванулась вперед, как машина, а ее «О!» больше было похоже на то, что ее укололи булавкой, чем на страх и терзания. Джо отчаянно застонала, а Мэг смеялась во весь голос, в то время как у Бет подгорали гренки, пока она с интересом смотрела на эту смешную сцену.

— Это бесполезно! Постарайся сделать все возможное, когда придет время, но если зрители будут смеяться, не вини в этом меня. Продолжай, Мэг.

Дальше все шло гладко, так как дон Педро бросил вызов миру в речи на две страницы без единого перерыва. Ведьма Хейгар произнесла ужасное заклинание

kettleful of simmering toads, with weird effect. Roderigo rent his chains asunder manfully, and Hugo died in agonies of remorse and arsenic, with a wild, "Ha! Ha!"

"It's the best we've had yet," said Meg, as the dead villain sat up and rubbed his elbows.

"I don't see how you can write and act such splendid things, Jo. You're a regular Shakespeare!" exclaimed Beth, who firmly believed that her sisters were gifted with wonderful genius in all things.

"Not quite," replied Jo modestly. "I do think THE WITCHES CURSE, an Operatic Tragedy is rather a nice thing, but I'd like to try McBETH, if we only had a trap-door for Banquo. I always wanted to do the killing part. 'Is that a dagger that I see before me?' muttered Jo, rolling her eyes and clutching at the air, as she had seen a famous tragedian do.

"No, it's the toasting fork, with Mother's shoe on it instead of the bread. Beth's stage-struck!" cried Meg, and the rehearsal ended in a general burst of laughter.

"Glad to find you so merry, my girls," said a cheery voice at the door, and actors and audience turned to welcome a tall, motherly lady with a 'can I help you' look about her which was truly delightful. She was not elegantly dressed, but a noble-looking woman, and the girls thought the gray cloak and unfashionable bonnet covered the most splendid mother in the world.

"Well, dearies, how have you got on today? There was so much to do, getting the boxes ready to go tomorrow, that I didn't come home to dinner. Has anyone called, Beth? How is your cold, Meg? Jo, you look tired to death. Come and kiss me, baby."

над своим кипящим котелком с жабами, что произвело роковой эффект. Родриго мужественно разорвал свои цепи, а Гуго умер от угрызений совести и мышьяка с иступленным: «Ха! Ха!»

— Это лучшее из всего, что мы ставили, — сказала Мэг, когда погибший злодей сел и потерял локти.

— Не понимаю, как ты можешь так играть и писать такие великолепные пьесы, Джо, ты просто Шекспир! — воскликнула Бет, которая была твердо убеждена, что ее сестры талантливо абсолютно во всем.

— Не совсем, — скромно ответила Джо. — Но я правда считаю, что «Проклятие ведьмы», оперная трагедия, — довольно неплохая вещица, хотя я хотела бы попробовать поставить «Макбета», если бы у нас был люк для призрака Банко. Мне всегда хотелось сыграть роль убийцы. «Откуда ты, кинжал, возникший в воздухе передо мною?» — пробормотала Джо, вращая глазами и хватая воздух, как это делал на сцене один знаменитый трагик, которого она видела в театре.

— Нет, это вилка для гренок, а на ней вместо хлеба мамина туфля. Бет слишком увлеклась театром! — воскликнула Мэг, и репетиция окончилась всеобщим взрывом смеха.

— Рада видеть вас такими веселыми, девочки мои, — раздался звонкий голос у двери, и актеры и зрители повернулись, чтобы поприветствовать высокую даму с выражением материнской заботы на лице, которое всегда как будто спрашивало: «Чем я могу вам помочь?» — и которое было поистине восхитительным. Она не была роскошно одета, но выглядела благородно, и девочки думали, что серый плащ и немодная шляпка скрывают самую великолепную маму в мире.

— Ну, дорогие мои, как вы сегодня провели время? Я так долго возилась, готовя посылки к завтрашней отправке, и не смогла прийти домой пообедать. Кто-нибудь заходил, Бет? Как твой насморк, Мэг? Ты выглядишь смертельно усталой, Джо. Иди сюда и поцелуй меня, детка.

While making these maternal inquiries Mrs. March got her wet things off, her warm slippers on, and sitting down in the easy chair, drew Amy to her lap, preparing to enjoy the happiest hour of her busy day. The girls flew about, trying to make things comfortable, each in her own way. Meg arranged the tea table, Jo brought wood and set chairs, dropping, over-turning, and clattering everything she touched. Beth trotted to and fro between parlor kitchen, quiet and busy, while Amy gave directions to everyone, as she sat with her hands folded.

As they gathered about the table, Mrs. March said, with a particularly happy face,

“I’ve got a treat for you after supper.”

A quick, bright smile went round like a streak of sunshine. Beth clapped her hands, regardless of the biscuit she held, and Jo tossed up her napkin, crying,

“A letter! A letter! Three cheers for Father!”

“Yes, a nice long letter. He is well, and thinks he shall get through the cold season better than we feared. He sends all sorts of loving wishes for Christmas, and an especial message to you girls,” said Mrs. March, patting her pocket as if she had got a treasure there.

“Hurry and get done! Don’t stop to quirk your little finger and simper over your plate, Amy,” cried Jo, choking on her tea and dropping her bread, butter side down, on the carpet in her haste to get at the treat.

Beth ate no more, but crept away to sit in her shadowy corner and brood over the delight to come, till the others were ready.

“I think it was so splendid in Father to go as chaplain when he was too old to be drafted, and not strong enough for a soldier,” said Meg warmly.

Задавая эти материнские вопросы, миссис Марч сняла с себя мокрую одежду, надела теплые домашние туфли и села в мягкое кресло, притянула Эми к себе и приготовилась насладиться самым счастливым часом в конце напряженного дня. Девушки порхали по дому, стараясь создать уют, каждая по-своему. Мэг накрыла чайный столик, Джо принесла дрова и расставила стулья, роняя и с грохотом переворачивая все, к чему прикасалась. Бет тихо и хлопотливо суежилась между кухней и гостиной, в то время как Эми сидела сложа руки и давала всем указания.

Когда все они собрались у стола, миссис Марч сказала с особенно счастливым выражением лица:

— У меня есть для вас кое-что на десерт.

Лучезарная улыбка мелькнула на лицах, как вспышка солнечного света. Бет захлопала в ладоши, забыв о печенье, которое держала в руке, а Джо подбросила вверх салфетку, воскликнув:

— Письмо! Письмо! Папе — троекратное ура!

— Да, прекрасное длинное письмо. Он здоров и считает, что сможет пережить холода лучше, чем мы думаем. Он передает наилучшие пожелания к Рождеству, а для вас, девочки, есть особое послание, — сказала миссис Марч, похлопывая по карману так, будто у нее там было сокровище.

— Быстрее доедаем! Хватит отгибать мизинец и жеманиться над тарелкой, Эми! — воскликнула Джо, захлебываясь чаем и роняя хлеб сливочным маслом вниз на ковер, в нетерпении поскорее приступить к десерту.

Бет больше ничего не ела и ускользнула в свой темный уголок ожидать остальных, размышляя о предстоящем удовольствии.

— Я думаю, как замечательно, что отец пошел на фронт капелланом, потому что он уже старше призывного возраста и недостаточно здоров, чтобы быть солдатом, — с теплотой сказала Мэг.

“Don’t I wish I could go as a drummer, a vivan — what’s its name? Or a nurse, so I could be near him and help him,” exclaimed Jo, with a groan.

“It must be very disagreeable to sleep in a tent, and eat all sorts of bad-tasting things, and drink out of a tin mug,” sighed Amy.

“When will he come home, Marmee? asked Beth, with a little quiver in her voice.

“Not for many months, dear, unless he is sick. He will stay and do his work faithfully as long as he can, and we won’t ask for him back a minute sooner than he can be spared. Now come and hear the letter.”

They all drew to the fire, Mother in the big chair with Beth at her feet, Meg and Amy perched on either arm of the chair, and Jo leaning on the back, where no one would see any sign of emotion if the letter should happen to be touching. Very few letters were written in those hard times that were not touching, especially those which fathers sent home. In this one little was said of the hardships endured, the dangers faced, or the homesickness conquered. It was a cheerful, hopeful letter, full of lively descriptions of camp life, marches, and military news, and only at the end did the writer’s heart overflow with fatherly love and longing for the little girls at home.

“Give them all of my dear love and a kiss. Tell them I think of them by day, pray for them by night, and find my best comfort in their affection at all times. A year seems very long to wait before I see them, but remind them that while we wait we may all work, so that these hard days need not be wasted. I know they will remember all I said to them, that they will be loving children to you, will do their duty faithfully, fight their bosom enemies bravely, and conquer themselves so beautifully that when I come back to them I may be fonder and prouder than ever of my little women.”

— А я хочу быть барабанщиком или *vivan*... — как его там? Или медсестрой, чтобы быть рядом с папой и помогать ему! — воскликнула Джо со вздохом.

— Должно быть, очень неудобно спать в палатке, есть всякую невкусную еду и пить из жестяной кружки, — вздохнула Эми.

— Когда он вернется домой, мама? — спросила Бет с небольшой дрожью в голосе.

— Еще нескоро, дорогая, если только не заболит. Он останется там и будет добросовестно исполнять свой долг, сколько сможет, и мы не будем просить его вернуться даже на минуту раньше, чем положено. А теперь я прочту вам письмо.

Все устроились поближе к огню: мама села в большое кресло, Бет — у ее ног, Мэг и Эми уселись на обе ручки кресла, а Джо оперлась о спинку, где никто не смог бы увидеть, как она расчувствовалась. Из всех писем, что были написаны в те нелегкие времена, лишь немногие не были трогательными, особенно те, которые отцы отправляли домой. В этом письме мало говорилось о тех невзгодах, которые пришлось пережить, о тех опасностях, с которыми пришлось столкнуться, или о преодолении тоски по дому. Это было веселое, обнадеживающее письмо, полное живых описаний солдатской жизни, походов и новостей о войне, и только в конце сердце автора преисполнялось отеческой любовью и тоской по маленьким девочкам, которые ждут его дома.

«Передай им, что я их нежно люблю и целую. Я думаю о них днем, молюсь за них ночью и во все времена нахожу лучшее утешение в их привязанности ко мне. Похоже, что еще год нам предстоит ожидать встречи, это долгий срок, но напомни им, что, пока мы ждем, мы можем трудиться, так что не нужно тратить впустую эти тяжелые дни. Я знаю, они помнят все, что я им говорил: чтобы для тебя они были любящими детьми, честно исполняли свой долг, храбро сражались со своими злыми врагами и преодолевали себя так усердно, что, когда я вернусь, я мог бы гордиться мои-

Everybody sniffed when they came to that part. Jo wasn't ashamed of the great tear that dropped off the end of her nose, and Amy never minded the rumpling of her curls as she hid her face on her mother's shoulder and sobbed out,

"I am a selfish girl! But I'll truly try to be better, so he mayn't be disappointed in me by-and-by."

We all will," cried Meg. "I think too much of my looks and hate to work, but won't any more, if I can help it."

"I'll try and be what he loves to call me, 'a little woman' and not be rough and wild, but do my duty here instead of wanting to be somewhere else," said Jo, thinking that keeping her temper at home was a much harder task than facing a rebel or two down South.

Beth said nothing, but wiped away her tears with the blue army sock and began to knit with all her might, losing no time in doing the duty that lay nearest her, while she resolved in her quiet little soul to be all that Father hoped to find her when the year brought round the happy coming home.

Mrs. March broke the silence that followed Jo's words, by saying in her cheery voice,

"Do you remember how you used to play Pilgrims Progress when you were little things? Nothing delighted you more than to have me tie my piece bags on your backs for burdens, give you hats and sticks and rolls of paper, and let you travel through the house from the cellar, which was the City of Destruction, up, up, to the housetop, where you had all the lovely things you could collect to make a Celestial City."

ми маленькими женщинами и любить их больше, чем когда-либо».

Едва услышав эти слова, все прослезилось. Джо не постеснялась большой слезы, скатившейся с кончика ее носа, а Эми не побоялась смять свои локоны, спрятав лицо на плече матери и зарыдав:

— Я такая самовлюбленная! Но я постараюсь стать лучше, чтобы он не разочаровался во мне.

— Мы все постараемся! — воскликнула Мэг. — Я слишком много думаю о своей внешности и не хочу работать, но я исправлюсь, если смогу.

— Я постараюсь стать такой, как он любит меня называть, «маленькой женщиной», и не буду грубой и сумасбродной, но исполню свой долг здесь, вместо того чтобы мечтать оказаться где-нибудь еще, — сказала Джо, думая, что сохранять самообладание дома будет гораздо более сложной задачей, чем столкнуться с парой мятежников на юге.

Бет ничего не сказала, но вытерла слезы синим армейским носком и начала вязать изо всех сил, чтобы не терять времени, выполняя свой непосредственный долг. Она решила в своей кроткой юной душе стать именно такой, какой папа надеялся встретить ее, если новый год принесет ему счастливое возвращение домой.

Миссис Марч нарушила молчание, которое последовало за словами Джо, сказав своим веселым голосом:

— Помните, как вы играли в «Путешествие пилигрима в небесную страну», когда были маленькими? Для вас не было большей радости, чем когда я привязывала мешки с лоскутами вам на спины в качестве «тяжкой ноши», давала вам шляпы, посохи и бумажные свитки и отправляла вас в путешествие по дому из погреба, который был Градом Разрушения, все выше и выше до крыши, где лежали красивые вещи, чтобы вы могли собрать их и построить Небесный Град.

“What fun it was, especially going by the lions, fighting Apollyon, and passing through the valley where the hob-goblins were,” said Jo.

“I liked the place where the bundles fell off and tumbled downstairs,” said Meg.

“I don’t remember much about it, except that I was afraid of the cellar and the dark entry, and always liked the cake and milk we had up at the top. If I wasn’t too old for such things, I’d rather like to play it over again,” said Amy, who began to talk of renouncing childish things at the mature age of twelve.

“We never are too old for this, my dear, because it is a play we are playing all the time in one way or another. Out burdens are here, our road is before us, and the longing for goodness and happiness is the guide that leads us through many troubles and mistakes to the peace which is a true Celestial City. Now, my little pilgrims, suppose you begin again, not in play, but in earnest, and see how far on you can get before Father comes home.”

“Really, Mother? Where are our bundles?” asked Amy, who was a very literal young lady.

“Each of you told what your burden was just now, except Beth. I rather think she hasn’t got any,” said her mother.

“Yes, I have. Mine is dishes and dusters, and envying girls with nice pianos, and being afraid of people.”

Beth’s bundle was such a funny one that everybody wanted to laugh, but nobody did, for it would have hurt her feelings very much.

“Let us do it,” said Meg thoughtfully. “It is only another name for trying to be good, and the story may help us, for though we do want to be good, it’s hard work and we forget, and don’t do our best.”

— Как же это было весело, особенно проходить между львами, сражаться с Аполлионом и пересекать долину с демонами, — сказала Джо.

— Мне нравился тот момент, когда котомки падали и катились вниз, — сказала Мэг.

— Я плохо все это помню, за исключением того, что я боялась погреха и темной прихожей, но всегда любила торт и молоко, которые нас ожидали наверху. Если бы я не была слишком взрослой для таких вещей, я бы не отказалась поиграть так снова, — сказала Эми, которая заговорила об отказе от детских шалостей в свои зрелые двенадцать лет.

— Мы никогда не будем слишком взрослыми для этого, моя дорогая, потому что это игра, в которую мы так или иначе играем всю жизнь. Наши тяжкие ноши всегда с нами, наша дорога перед нами, а жажда добра и счастья являются проводниками, которые ведут нас через многие неприятности и ошибки к миру, который и является истинным Небесным Градом. А сейчас, мои маленькие паломники, предположим, что вы снова отправляетесь в путь, не в игре, а по-настоящему, и посмотрим, как далеко вы сможете добраться до того, как папа вернется домой.

— Правда, мама? А где наши котомки? — спросила Эми, которая понимала все буквально.

— Каждая из вас уже рассказала, каково ее бремя сейчас, кроме Бет. Я думаю, что, скорее всего, у нее нет такой тяжелой ноши, — сказала мама.

— Нет, она у меня есть. Моя ноша — посуда и тряпки для вытирания пыли, зависть к девочкам, у которых есть хорошее пианино, а еще я боюсь людей.

Котомка с тяготами Бет была такой забавной, что всем захотелось рассмеяться, но никто и не подумал это сделать, потому что это бы сильно ранило ее.

— Давайте так и сделаем, — задумчиво сказала Мэг. — Эта игра всего лишь другое название для стремления стать добродетельными, а история пилигрима из романа может помочь нам, потому что, пусть

“We were in the Slough of Despond tonight, and Mother came and pulled us out as Help did in the book. We ought to have our roll of directions, like Christian. What shall we do about that?” asked Jo, delighted with the fancy which lent a little romance to the very dull task of doing her duty.

“Look under your pillows christmas morning, and you will find your guidebook,” replied Mrs. March.

They talked over the new plan while old Hannah cleared the table, then out came the four little work baskets, and the needles flew as the girls made sheets for Aunt March. It was uninteresting sewing, but tonight no one grumbled. They adopted Jo’s plan of dividing the long seams into four parts, and calling the quarters Europe, Asia, Africa, and America, and in that way got on capitally, especially when they talked about the different countries as they stitched their way through them.

At nine they stopped work, and sang, as usual, before they went to bed. No one but Beth could get much music out of the old piano, but she had a way of softly touching the yellow keys and making a pleasant accompaniment to the simple songs they sang. Meg had a voice like a flute, and she and her mother led the little choir. Amy chirped like a cricket, and Jo wandered through the airs at her own sweet will, always coming out at the wrong place with a croak or a quaver that spoiled the most pensive tune.

They had always done this from the time they could lisp...

Crinkle, crinkle, ‘tittle ‘tar, and it had become a household custom, for the mother was a born singer. The first

мы и хотим быть добродетельными, это тяжкий труд, и мы забываем о своих стремлениях, плохо стараемся.

— Мы были сегодня в Топпи Уныния, но мама пришла и вытащила нас, как Помощь в книге. У нас должны быть свои свитки с напутствиями, как у Христианина. Как нам их найти? — спросила Джо, обрадовавшись, что эта выдумка придала бы немного романтики слишком скучной задаче исполнять свой долг.

— Загляните под ваши подушки рождественским утром, и вы найдете там свои путеводители, — ответила миссис Марч.

Они говорили о своем новом замысле, пока старушка Ханна убирала со стола, потом достали четыре корзинки с принадлежностями для шитья, и иголки запорхали в воздухе, когда девочки начали шить простыни для тетушки Марч. Шить было скучно, но сегодня никто из-за этого не ворчал. Они приняли предложение Джо разделить длинные швы на четыре части и назвать эти четверти Европой, Азией, Африкой и Америкой, и таким образом основательно продвинулись, особенно когда говорили о разных странах, прошивая свой путь через них.

В девять часов они прекратили работать и запели, как обычно делали перед сном. Никто, кроме Бет, не мог извлечь хоть какую-то музыку из старого фортепиано — лишь она могла прикоснуться к пожелтевшим от старости клавишам и сыграть приятный аккомпанемент к простым песням. Голос Мэг звучал как флейта, и они с матерью солировали в их маленьком хоре. Эми стрекотала как сверчок, а Джо мило блуждала по мелодии как ей заблагорассудится, всегда вступая невольно, хрипя или выводя трели, что портило даже самый меланхоличный мотив. Они пели всегда, с тех пор как научились говорить...

«Ты сверкай, звезда ночная...»

...и это стало домашней традицией, ведь мама была прирожденной певицей. Первым, что они обычно слы-

sound in the morning was her voice as she went about the house singing like a lark, and the last sound at night was the same cheery sound, for the girls never grew too old for that familiar lullaby.

Chapter 2

A MERRY CHRISTMAS

Jo was the first to wake in the gray dawn of Christmas morning. No stockings hung at the fireplace, and for a moment she felt as much disappointed as she did long ago, when her little sock fell down because it was crammed so full of goodies. Then she remembered her mother's promise and, slipping her hand under her pillow, drew out a little crimson-covered book. She knew it very well, for it was that beautiful old story of the best life ever lived, and Jo felt that it was a true guidebook for any pilgrim going on a long journey. She woke Meg with a "Merry Christmas," and bade her see what was under her pillow. A green-covered book appeared, with the same picture inside, and a few words written by their mother, which made their one present very precious in their eyes. Presently Beth and Amy woke to rummage and find their little books also, one dove-colored, the other blue, and all sat looking at and talking about them, while the east grew rosy with the coming day.

In spite of her small vanities, Margaret had a sweet and pious nature, which unconsciously influenced her sisters, especially Jo, who loved her very tenderly, and obeyed her because her advice was so gently given.

"Girls," said Meg seriously, looking from the tumbled head beside her to the two little night-capped ones

шали по утрам, был голос мамы, ходившей по дому и распевавшей как жаворонок, а ночью они засыпали под то же веселое пение, потому что девочкам никогда не надоедала эта колыбельная.

Глава 2

СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА

Джо проснулась первой, когда наступил седой рассвет рождественского утра. У камина не висели носки, и она почувствовала себя такой же разочарованной, как когда-то давно, когда ее носочек упал, потому что был переполнен подарками. Потом она вспомнила про обещание мамы и, запустив руку под подушку, вытащила маленькую книжку в темно-красной обложке. Она была ей хорошо знакома — это была прекрасная старая история о лучшей жизни, когда-либо прожитой на земле, и Джо почувствовала, что это настоящий путеводитель для любого паломника, отправляющегося в долгий путь. Она разбудила Мэг, пожелав ей счастливого Рождества, и предложила ей тоже посмотреть, что у той под подушкой. Оттуда была извлечена зеленоватая книга с такой же открыткой внутри и несколькими пожеланиями, благодаря которым они так любили мамины подарки. Через некоторое время проснулись Бет и Эми, которые тоже порылись под подушками и нашли свои книжечки, одну серого цвета, а другую — голубого, и все они принялись их рассматривать и обсуждать. Близился день, и небо на востоке розовело.

Несмотря на некоторое тщеславие, по натуре Маргарет была доброй и благочестивой, что произвольно влияло и на сестер, особенно на Джо, которая очень нежно ее любила и слушалась, потому что она никогда не попрекала их понапрасну.

— Девочки, — серьезно сказала Мэг, переводя взгляд от взъерошенной головы рядом с собой к двум

in the room beyond, "Mother wants us to read and love and mind these books, and we must begin at once. We used to be faithful about it, but since Father went away and all this war trouble unsettled us, we have neglected many things. You can do as you please, but I shall keep my book on the table here and read a little every morning as soon as I wake, for I know it will do me good and help me through the day."

Then she opened her new book and began to read. Jo put her arm round her and, leaning cheek to cheek, read also, with the quiet expression so seldom seen on her restless face.

"How good Meg is! Come, Amy, let's do as they do. I'll help you with the hard words, and they'll explain things if we don't understand," whispered Beth, very much impressed by the pretty books and her sisters, example.

"I'm glad mine is blue," said Amy.

And then the rooms were very still while the pages were softly turned, and the winter sunshine crept in to touch the bright heads and serious faces with a Christmas greeting.

"Where is Mother?" asked Meg, as she and Jo ran down to thank her for their gifts, half an hour later.

"Goodness only knows. Some poor creeter came a-beggin', and your ma went straight off to see what was needed. There never was such a woman for givin' away vittles and drink, clothes and firin'," replied Hannah, who had lived with the family since Meg was born, and was considered by them all more as a friend than a servant.

"She will be back soon, I think, so fry your cakes, and have everything ready," said Meg, looking over the

маленьким чепчикам в соседней комнате. — Мама хочет, чтобы мы читали, любили и берегли эти книги, и мы должны начать это делать прямо сейчас. Раньше мы добросовестно выполняли эту обязанность, но с тех пор, как папа ушел на войну и тяготы, связанные с ней, выбили нас из колеи, мы стали многое делать спустя рукава. Вы можете поступать как вам угодно, но я буду держать свою книгу на столике рядом с кроватью и буду читать понемногу каждое утро, как только проснусь, ведь я знаю, что это пойдет мне на пользу и будет поддерживать меня в течение дня.

Затем она открыла свою новую книгу и начала читать. Джо обняла сестру и, прислонившись щекой к ее щеке, тоже приступила к чтению с кротким выражением, которое так редко можно было увидеть на ее беспокойном лице.

— Какая же Мэг хорошая! Эми, давай тоже последуем их примеру. Я помогу тебе со сложными словами, а они объяснят нам то, что мы не поймем, — прошептала Бет, впечатлившись красотой книг и примером сестры.

— Я рада, что моя книга голубая, — сказала Эми, а потом в комнатах стало очень тихо, лишь бесшумно переворачивались страницы, и свет зимнего солнца просачивался в окна, чтобы прикоснуться к светлым головам и серьезным лицам, будто поздравляя девочек с Рождеством.

— А где мама? — спросила Мэг, когда полчаса спустя они с Джо сбежали вниз, чтобы поблагодарить маму за подарки.

— Бог ее знает. Какой-то бедолага приходил милостыню просить, и ваша мама сразу пошла посмотреть, что ему нужно. Никогда еще не было на свете женщины, которая так же раздавала бы еду и питье, одежду и дрова всем нуждающимся, — ответила Ханна, она жила с семьей с момента рождения Мэг, и ее все считали скорее другом, чем служанкой.

— Думаю, она скоро вернется, поэтому можете подогреть пирожки и накрывать на стол, — сказала Мэг,

presents which were collected in a basket and kept under the sofa, ready to be produced at the proper time. "why, where is Amy's bottle of cologne?" she added, as the little flask did not appear.

"She took it out a minute ago, and went off with it to put a ribbon on it, or some such notion," replied Jo, dancing about the room to take the first stiffness off the new army slippers.

"How nice my handkerchiefs look, don't they? Hannah washed and ironed them for me, and I marked them all myself," said Beth, looking proudly at the somewhat uneven letters which had cost her such labor.

"Bless the child! She's gone and put 'Mother' on them instead of 'M. March'. How funny!" cried Jo, taking one up.

"Isn't that right? I thought it was better to do it so, because Meg's initials are M.M., and I don't want anyone to use these but Marmee," said Beth, looking troubled.

"It's all right, dear, and a very pretty idea, quite sensible too, for no one can ever mistake now. It will please her very much, I know," said Meg, with a frown for Jo and a smile for Beth.

"There's Mother. Hide the basket, quick!" cried Jo, as a door slammed and steps sounded in the hall.

Amy came in hastily, and looked rather abashed when she saw her sisters all waiting for her.

"Where have you been, and what are you hiding behind you?" asked Meg, surprised to see, by her hood and cloak, that lazy Amy had been out so early.

"Don't laugh at me, Jo! I didn't mean anyone should know till the time came. I only meant to change the little bottle for a big one, and I gave all my money to get it, and I'm truly trying not to be selfish any more."

осматривая подарки, которые хранились в корзине под диваном, готовые к вручению в нужное время. — А где же флакончик одеколона от Эми? — спросила она, когда не обнаружила в корзине одеколон.

— Она вынула его минуту назад и пошла повязать на него ленту или что-то в этом роде, — ответила Джо, которая ходила по комнате, пританцовывая, чтобы немного разносить новые армейские ботинки.

— Как красиво смотрятся мои носовые платки, правда? Ханна выстирала и выгладила их для меня, а я сама вышила на них метки, — сказала Бет, с гордостью глядя на несколько неровные буквы, которые стоили ей большого труда.

— Благословенное дитя! Она взяла и вышила на них «мама» вместо «М. Марч». Как забавно! — воскликнула Джо, рассматривая один из платочков.

— А что? Разве это неправильно? Я подумала, что так будет лучше, потому что у Мэг такие же инициалы — М. М., а я не хочу, чтобы этими платками пользовался кто-то, кроме мамы, — смутившись, сказала Бет.

— Все в порядке, дорогая, и это очень хорошая идея, к тому же вполне разумная, потому что теперь никто не ошибется. И ей будет очень приятно, я знаю, — сказала Мэг, хмуро посмотрев на Джо, и улыбнулась Бет.

— А вот и мама. Прячем корзину, быстро! — воскликнула Джо, когда хлопнула дверь и в зале послышались шаги.

Эми поспешно вошла в комнату и выглядела довольно смущенной, когда встретила ожидавших ее сестер.

— Где ты была и что это у тебя за спиной? — спросила Мэг удивленно, увидев, что обычно ленивая Эми сегодня так рано вышла из дома, судя по ее капору и плащу.

— Не смейся надо мной, Джо! Я не хотела, чтобы кто-то узнал раньше времени. Я хотела только поменять маленькую бутылочку на большую, и я отдала все свои деньги, чтобы купить ее, я правда постараюсь больше никогда не быть эгоисткой.

As she spoke, Amy showed the handsome flask which replaced the cheap one, and looked so earnest and humble in her little effort to forget herself that Meg hugged her on the spot, and Jo pronounced her 'a trump', while Beth ran to the window, and picked her finest rose to ornament the stately bottle.

"You see I felt ashamed of my present, after reading and talking about being good this morning, so I ran round the corner and changed it the minute I was up, and I'm so glad, for mine is the handsomest now."

Another bang of the street door sent the basket under the sofa, and the girls to the table, eager for breakfast.

"Merry Christmas, Marmee! Many of them! Thank you for our books. We read some, and mean to every day," they all cried in chorus.

"Merry Christmas, little daughters! I'm glad you began at once, and hope you will keep on. But I want to say one word before we sit down. Not far away from here lies a poor woman with a little newborn baby. Six children are huddled into one bed to keep from freezing, for they have no fire. There is nothing to eat over there, and the oldest boy came to tell me they were suffering hunger and cold. My girls, will you give them your breakfast as a Christmas present?"

They were all unusually hungry, having waited nearly an hour, and for a minute no one spoke, only a minute, for Jo exclaimed impetuously,

"I'm so glad you came before we began!"

"May I go and help carry the things to the poor little children?" asked Beth eagerly.

Эми показала красивый большой флакон, заменивший дешевый, и выглядела такой серьезной и смиренной в своем маленьком усилии вести себя достойно, что Мэг тут же обняла ее, а Джо назвала ее «молодцом», в то время как Бет подбежала к окну и сорвала свою лучшую розу, чтобы украсить этот роскошный флакон.

— Понимаете, мне стало стыдно за свой подарок сегодня утром после того, как я почитала книгу и мы поговорили о том, как важно быть хорошими, поэтому, как только я встала, я побежала в магазин за углом и поменяла флакон, и я так рада, потому что мой подарок теперь самый красивый.

После того как снова хлопнула входная дверь, корзина отправилась под диван, а проголодавшиеся девочки поторопились к столу.

— Счастливого Рождества, мамочка! Желаем встретить еще много таких праздников! Спасибо тебе за книги. Мы уже прочли немного и будем читать эти книги каждый день! — хором воскликнули они.

— Счастливого Рождества, доченьки! Я рада, что вы сразу начали их читать, и надеюсь, что продолжите это делать и впредь. Но прежде чем мы сядем за стол, я хочу кое-что вам сказать. В доме неподалеку отсюда лежит бедная больная женщина с маленьким новорожденным ребенком. Шестеро детей жмутся друг к другу в одной постели, чтобы не замерзнуть, потому что у них нет дров. Им нечего есть, и старший мальчик пришел сказать мне, что они страдают от голода и холода. Девочки мои, вы отдадите им свой завтрак в качестве рождественского подарка?

Все они были необычайно голодны, прождав мать почти час, и на минуту все замолчали, но лишь на минуту, потому что Джо порывисто воскликнула:

— Я так рада, что ты пришла до того, как мы начали завтракать!

— Можно я пойду и помогу отнести все бедным де-тишкам? — нетерпеливо спросила Бет.

“I shall take the cream and the muffings,” added Amy, heroically giving up the article she most liked.

Meg was already covering the buckwheats, and piling the bread into one big plate.

“I thought you’d do it,” said Mrs. March, smiling as if satisfied. “You shall all go and help me, and when we come back we will have bread and milk for breakfast, and make it up at dinnertime.”

They were soon ready, and the procession set out. Fortunately it was early, and they went through back streets, so few people saw them, and no one laughed at the queer party.

A poor, bare, miserable room it was, with broken windows, no fire, ragged bedclothes, a sick mother, wailing baby, and a group of pale, hungry children cuddled under one old quilt, trying to keep warm.

How the big eyes stared and the blue lips smiled as the girls went in.

“Ach, mein Gott! It is good angels come to us!” said the poor woman, crying for joy.

“Funny angels in hoods and mittens,” said Jo, and set them to laughing.

In a few minutes it really did seem as if kind spirits had been at work there. Hannah, who had carried wood, made a fire, and stopped up the broken panes with old hats and her own cloak. Mrs. March gave the mother tea and gruel, and comforted her with promises of help, while she dressed the little baby as tenderly as if it had been her own.

The girls meantime spread the table, set the children round the fire, and fed them like so many hungry birds, laughing, talking, and trying to understand the funny broken English.

“Das ist gut!” “Die Engel-kinder!” cried the poor things as they ate and warmed their purple hands at the comfortable blaze.

— Я возьму сливки и булочки, — добавила Эми, решительно отказываясь от угощения, которое ей нравилось больше всего.

Мэг уже упаковывала гречневую кашу и складывала хлеб в одну большую тарелку.

— Я знала, что вы поступите именно так, — сказала миссис Марч с довольной улыбкой. — Вы все поможете мне, а когда мы вернемся, то будем завтракать хлебом с молоком, а к обеду наверстаем упущенное.

Вскоре все было готово, и процессия двинулась в путь. К счастью, было еще довольно рано, и они шли по закоулкам, поэтому мало кто их видел, и никто не посмеялся над этой странной компанией.

Они вошли в бедную, пустую, убогую комнату с разбитыми окнами, потухшим камином, рваным постельным бельем, больной матерью, плачущим ребенком и оравой бледных голодных детей, свернувшихся калачиком под одним старым одеялом, пытаясь согреться.

С каким же изумлением распахнулись большие глаза и заулыбались синие губы, когда девочки вошли!

— Ах, mein Gott! Это добрые ангелы явились к нам! — сказала бедная женщина, заплакав от радости.

— Какие странные ангелы, в капорах и варежках! — сказала Джо и всех этим рассмешила.

Через несколько минут и правда могло показаться, что в этом бедном жилище поработали добрые духи. Ханна принесла дрова, развела огонь и заткнула разбитые стекла старыми шляпами и собственным плащом. Миссис Марч накормила мать овсянкой с чаем, утешая ее обещаниями помощи, пока переодевала ребенка так нежно, как будто он был ее собственным.

Тем временем девочки накрыли на стол, усадили детей вокруг очага и накормили их, как голодных птенцов, смеясь, разговаривая и пытаясь понять их смешной ломаный английский.

— Das ist gut! Die Engelkinder! — восклицали бедняжки, пока ели и согревали свои багровые руки у уютного огня.

The girls had never been called angel children before, and thought it very agreeable, especially Jo, who had been considered a 'Sancho' ever since she was born. That was a very happy breakfast, though they didn't get any of it. And when they went away, leaving comfort behind, I think there were not in all the city four merrier people than the hungry little girls who gave away their breakfasts and contented themselves with bread and milk on Christmas morning.

"That's loving our neighbor better than ourselves, and I like it," said Meg, as they set out their presents while their mother was upstairs collecting clothes for the poor Hummels.

Not a very splendid show, but there was a great deal of love done up in the few little bundles, and the tall vase of red roses, white chrysanthemums, and trailing vines, which stood in the middle, gave quite an elegant air to the table.

"She's coming! Strike up, Beth! Open the door, Amy! Three cheers for Marmee!" cried Jo, prancing about while Meg went to conduct Mother to the seat of honor.

Beth played her gayest march, Amy threw open the door, and Meg enacted escort with great dignity. Mrs. March was both surprised and touched, and smiled with her eyes full as she examined her presents and read the little notes which accompanied them. The slippers went on at once, a new handkerchief was slipped into her pocket, well scented with Amy's cologne, the rose was fastened in her bosom, and the nice gloves were pronounced a perfect fit.

There was a good deal of laughing and kissing and explaining, in the simple, loving fashion which makes these home festivals so pleasant at the time, so sweet to remember long afterward, and then all fell to work.

The morning charities and ceremonies took so much time that the rest of the day was devoted to preparations

Девочек никогда раньше не называли ангелочками, и им это было очень приятно, особенно Джо, которую с самого рождения все считали проказницей. Это был очень приятный завтрак, хоть им и не досталось ни крошки. И когда они ушли, оставив уют позади, полагаю, что во всем городе не нашлось бы никого веселее, чем четверо голодных девочек, которые пожертвовали своим завтраком, довольствуясь хлебом с молоком в рождественское утро.

— Это и значит любить ближнего больше, чем самого себя, и мне это нравится, — сказала Мэг, когда они раскладывали подарки, пока мать наверху собирала одежду для бедняжек Хюммель.

Не бог весть какое роскошное зрелище, но в эти несколько свертков было вложено так много любви, а стоявшая на столе высокая ваза с красными розами, белыми хризантемами и вьющимися стеблями придавала ему весьма элегантный вид.

— Она идет! Начинай, Бет! Открывай дверь, Эми! Троекратное «ура» в честь мамочки! — воскликнула Джо, подпрыгивая на месте, в то время как Мэг пошла проводить маму к почетному месту.

Бет заиграла свой самый веселый марш, Эми распахнула дверь, а Мэг с большим достоинством ввела мать под руку в комнату. Пораженная, растроганная миссис Марч улыбалась, рассматривая подарки дочерей глазами, полными слез, и читая прикрепленные к ним записочки. Туфли она надела сразу, а новый носовой платок, надушенный одеколоном Эми, сунула в карман; розу приколола к груди, а красивые перчатки пришлось ей в пору.

Было много искренних слов любви, смеха и поцелуев в той нехитрой манере, которая делает семейные праздники такими приятными, такими милыми, что о них вспоминают еще долгое время спустя; а затем все принялись за работу.

Утренние благотворительные мероприятия и церемонии заняли так много времени, что остаток дня был

for the evening festivities. Being still too young to go often to the theater, and not rich enough to afford any great outlay for private performances, the girls put their wits to work, and necessity being the mother of invention, made whatever they needed. Very clever were some of their productions, pasteboard guitars, antique lamps made of old-fashioned butter boats covered with silver paper, gorgeous robes of old cotton, glittering with tin spangles from a pickle factory, and armor covered with the same useful diamond shaped bits left inn sheets when the lids of preserve pots were cut out. The big chamber was the scene of many innocent revels.

No gentleman were admitted, so Jo played male parts to her heart's content and took immense satisfaction in a pair of russet leather boots given her by a friend, who knew a lady who knew an actor. These boots, an old foil, and a slashed doublet once used by an artist for some picture, were Jo's chief treasures and appeared on all occasions.

The smallness of the company made it necessary for the two principal actors to take several parts apiece, and they certainly deserved some credit for the hard work they did in learning three or four different parts, whisking in and out of various costumes, and managing the stage besides. It was excellent drill for their memories, a harmless amusement, and employed many hours which otherwise would have been idle, lonely, or spent in less profitable society.

On christmas night, a dozen girls piled onto the bed which was the dress circle, and sat before the blue and yellow chintz curtains in a most flattering state of expect-

полностью посвящен подготовке к вечернему празднеству. Девочки были еще слишком юными, чтобы часто посещать театр, и недостаточно богатыми, чтобы тратить много денег на свои спектакли, но постоянно ломали голову над тем, как сделать все необходимое для домашних представлений. Некоторые их изобретения были очень хитроумными: картонные гитары, старинные лампы из старомодных масленок, оклеенных серебряной бумагой, роскошные одеяния из старого ситца, сверкающие звездами, вырезанными из крышек консервных банок с мариновальной фабрики. Доспехи были обшиты жестяными ромбами, которые оставались после вырезания звезд из тех же полезных крышек. Большая комната была местом многих невинных развлечений.

Юноши не допускались к участию в представлениях, поэтому Джо сама играла мужские роли сколько душе угодно и получала огромное удовольствие от выступлений в красновато-коричневых кожаных сапогах, подаренных ей подругой, знакомой с дамой, которая была приятельницей одного актера. Эти сапоги, старая рапира и камзол с разрезами, которые когда-то использовались художником для написания какой-то картины, были главными сокровищами Джо, и она появлялась в них на сцене при каждом удобном случае.

Малочисленность труппы обусловила необходимость двух главных актеров исполнять по несколько ролей в каждой пьесе, и они, несомненно, заслужили похвалу за те усилия, с которыми они заучивали три или четыре разные роли, надевая и снимая различные костюмы и, кроме того, руководя постановкой. Это безобидное развлечение отлично тренировало память и занимало много часов, которые в противном случае они провели бы в праздности, в одиночестве или менее благоприятном обществе.

В рождественскую ночь на кровати, служившей бельэтажем, сгрудилась дюжина приглашенных девочек, сидевших перед сине-желтыми ситцевыми занавеска-

tancy. There was a good deal of rustling and whispering behind the curtain, a trifle of lamp smoke, and an occasional giggle from Amy, who was apt to get hysterical in the excitement of the moment. Presently a bell sounded, the curtains flew apart, and the OPERATIC TRAGEDY began.

“A gloomy wood,” according to the one playbill, was represented by a few shrubs in pots, green baize on the floor, and a cave in the distance. This cave was made with a clothes horse for a roof, bureaus for walls, and in it was a small furnace in full blast, with a black pot on it and an old witch bending over it. The stage was dark and the glow of the furnace had a fine effect, especially as real steam issued from the kettle when the witch took off the cover. A moment was allowed for the first thrill to subside, then Hugo, the villain, stalked in with a clanking sword at his side, a slouching hat, black beard, mysterious cloak, and the boots. After pacing to and fro in much agitation, he struck his forehead, and burst out in a wild strain, singing of his hatred to Roderigo, his love for Zara, and his pleasing resolution to kill the one and win the other. The gruff tones of Hugo’s voice, with an occasional shout when his feelings overcame him, were very impressive, and the audience applauded the moment he paused for breath. bowing with the air of one accustomed to public praise, he stole to the cavern and ordered Hagar to come forth with a commanding, “What ho, minion! I need thee!”

Out came Meg, with gray horsehair hanging about her face, a red and black robe, a staff, and cabalistic signs upon her cloak. Hugo demanded a potion to make Zara adore him, and one destroy Roderigo. Hagar, in a fine dramatic melody, promised both, and proceeded to call up the spirit who would bring the love philter.

ми в подобострастном волнении. Из-за занавески доносились шорох и шепот, запах дыма от лампы и периодическое хихиканье Эми, которая была склонна смеяться до колик от волнения. Вскоре раздался звонок, занавес раздвинулся, и началась оперная трагедия.

«Мрачный лес», согласно единственной программке спектакля, был представлен несколькими растениями в горшках, зеленым сукном на полу и пещерой чуть поодаль. Пещера эта была сделана из сушилки для белья вместо крыши, комодов вместо стен, а внутри всю горел небольшой очаг с черным котелком, над которым склонилась старая ведьма. На сцене было темно, и свет от очага производил прекрасный эффект, тем более что из котелка шел настоящий пар, когда ведьма снимала с него крышку. Спустя мгновение, после того как утихли первые восторги публики, в комнату вошел Гуго, злодей с черной бородой и мечом, лязгающим на боку, в шляпе с опущенными полями, в таинственном плаще и сапогах. Пройдясь взад и вперед в сильном возбуждении, он хлопнул себя по лбу и разразился диким воплем, воспевая свою ненависть к Родриго, свою любовь к Заре и свою столь привлекательную мысль об убийстве первого и покорении второй. Грубые интонации голоса Гуго, время от времени вскрикивавшего, когда его одолевали чувства, произвели сильное впечатление, и публика заплодировала, как только он остановился, чтобы перевести дух. Поклонившись с видом человека, привыкшего к публичному восхвалению, он прокрался в пещеру и повелительным тоном приказал Хейгар выйти: «Эй ты, приспешница моя! Ты мне нужна!»

Из пещеры вышла Мэг в красно-черном одеянии, с посохом и каббалистическими знаками на плаще; седые пряди из конского волоса обрамляли ее лицо. Гуго потребовал у нее одно зелье, которое заставило бы Зару обожать его, а другое — чтобы уничтожить Родриго. Хейгар, полная драматизма, обещала и то и другое,

Hither, hither, from thy home,
Airy sprite, I bid thee come!
Born of roses, fed on dew,
Charms and potions canst thou brew?
Bring me here, with elfin speed,
The fragrant philter which I need.
Make it sweet and swift and strong,
Spirit, answer now my song!

A soft strain of music sounded, and then at the back of the cave appeared a little figure in cloudy white, with glittering wings, golden hair, and a garland of roses on its head. Waving a wand, it sang...

Hither I come,
From my airy home,
Afar in the silver moon.
Take the magic spell,
And use it well,
Or its power will vanish soon!

And dropping a small, gilded bottle at the witch's feet, the spirit vanished. Another chant from Hagar produced another apparition, not a lovely one, for with a bang an ugly black imp appeared and, having croaked a reply, tossed a dark bottle at Hugo and disappeared with a mocking laugh. Having warbled his thanks and put the potions in his boots, Hugo departed, and Hagar informed the audience that as he had killed a few of her friends in times past, she had cursed him, and intends to thwart his plans, and be revenged on him. Then the curtain fell, and the audience reposed and ate candy while discussing the merits of the play.

A good deal of hammering went on before the curtain rose again, but when it became evident what a masterpiece of stage carpentry had been got up, no one mur-

продолжая призывать духа, который принесет приворотное зелье.

О, воздушный дух, ты волхв?
Варишь зелья? На мой зов
Ты приди, сын роз, сюда!
Дух, роса — твоя еда!
Скор, как эльф, готовь отвар,
Полный приворотных чар,
Быстро действующий! Дух,
Отвечай, я зелье жду!

Зазвучала тихая мелодия, и в глубине пещеры появилась маленькая фигурка в молочно-белом одеянии, со сверкающими крыльями, золотыми волосами и венком из роз на голове. Взмахнув волшебной палочкой, дух запел:

Я прилетел, оставил за плечом
На серебре Луны просторный дом.
Я здесь! Используй заговор с умом
И ослабеть не дай всей силе в нем!

И, уронив к ногам ведьмы маленькую позолоченную бутылочку, дух исчез. Еще одна ария Хейгар вызвала другой дух, на этот раз не очень привлекательный, потому что теперь на сцене с грохотом появился уродливый черный бес и, прохрипев что-то в ответ, швырнул темную бутылочку в Гуго и исчез со зловещим смехом. Пропев слова благодарности и сунув зелья в сапоги, Гуго удалился, а Хейгар сообщила зрителям, что, поскольку в прошлом он убил нескольких ее друзей, она прокляла его и теперь намерена отомстить, расстроив все его планы. Затем занавес опустился, и во время антракта зрители отдыхали и ели конфеты, обсуждая достоинства пьесы.

Прежде чем занавес снова поднялся, долгое время раздавался громкий стук молотков, но когда стало ясно, какой шедевр сценического столярного искусства был

mured at the delay. It was truly superb. A tower rose to the ceiling, halfway up appeared a window with a lamp burning in it, and behind the white curtain appeared Zara in a lovely blue and silver dress, waiting for Roderigo. He came in gorgeous array, with plumed cap, red cloak, chestnut lovelocks, a guitar, and the boots, of course. Kneeling at the foot of the tower, he sang a serenade in melting tones. Zara replied and, after a musical dialogue, consented to fly. Then came the grand effect of the play. Roderigo produced a rope ladder, with five steps to it, threw up one end, and invited Zara to descend. Timidly she crept from her lattice, put her hand on Roderigo's shoulder, and was about to leap gracefully down when "Alas! Alas for Zara!" she forgot her train. It caught in the window, the tower tottered, leaned forward, fell with a crash, and buried the unhappy lovers in the ruins.

A universal shriek arose as the russet boots waved wildly from the wreck and a golden head emerged, exclaiming, "I told you so! I told you so!" With wonderful presence of mind, Don Pedro, the cruel sire, rushed in, dragged out his daughter, with a hasty aside...

"Don't laugh! Act as if it was all right!" and, ordering Roderigo up, banished him from the kingdom with wrath and scorn. Though decidedly shaken by the fall from the tower upon him, Roderigo defied the old gentleman and refused to stir. This dauntless example fired Zara. She also defied her sire, and he ordered them both to the deepest dungeons of the castle. A stout little retainer came in with chains and led them away, looking very much frightened and evidently forgetting the speech he ought to have made.

возведен за время перерыва, никто не стал выражать недовольства из-за задержки. Это было поистине великолепно. Высокая башня поднималась к потолку, на середине ее высоты виднелось окно с горящей в нем лампой, и из-за белой занавески появилась Зара в прекрасном серебристо-голубом платье в ожидании Родриго. Он вышел в роскошном наряде, в шляпе с перьями, красном плаще, с каштановыми локонами на щеках, с гитарой и, конечно же, все в тех же красно-коричневых сапогах. Опустившись на одно колено у подножия башни, он запел серенаду трогательным голосом. Зара ответила и после музыкального диалога согласилась совершить побег. Затем наступила кульминация пьесы. Родриго достал веревочную лестницу с пятью ступенями, забросил наверх один ее конец и предложил Заре спуститься. Она робко выбралась из-за решетки, положила руку на плечо Родриго и уже собиралась грациозно спрыгнуть вниз, как вдруг... О, несчастье! Бедная Зара! Она забыла о своем шлейфе, который зацепился за окно: башня пошатнулась, накренилась вперед, с грохотом упала и погребла несчастных влюбленных под развалинами.

Раздался всеобщий вопль, когда красновато-коричневые сапоги судорожно забились в воздухе. И золотистая головка появилась из-под обломков, восклицая: «Я же тебе говорила! Я же говорила!» С удивительным присутствием духа дон Педро, суровый отец Зары, ворвался в комнату и поспешно оттащил дочь в сторону, шепнув ей: «Не смейся! Веди себя так, будто все в порядке!» — и, приказав Родриго подняться, с гневом и презрением изгнал его из королевства. Хотя Родриго был сильно потрясен падением с башни, он бросил вызов старому джентльмену и отказался тронуться с места. Этот бесстрашный пример воодушевил Зару. Она также отказалась подчиниться своему отцу, и он приказал заточить их обоих в самой глубокой темнице замка. Вошел толстый маленький слуга с цепями и повел их прочь, выглядя очень напуганным и, очевидно, забыв о том, что должен был сказать.

Act third was the castle hall, and here Hagar appeared, having come to free the lovers and finish Hugo. She hears him coming and hides, sees him put the potions into two cups of wine and bid the the timid little servant, "Bear them to the captives in their cells, and tell them I shall come anon." The servant takes Hugo aside to tell him something, and Hagar changes the cups for two others which are harmless. Ferdinando, the 'minion', carries them away, and Hagar puts back the cup which holds the poison meant for Roderigo. Hugo, getting thirsty after a long warble, drinks it, loses his wits, and after a good deal of clutching and stamping, falls flat and dies, while Hagar informs him what she has done in a song of exquisite power and melody.

This was a truly thrilling scene, though some persons might have thought that the sudden tumbling down of a quantity of long red hair rather marred the effect of the villain's death. He was called before the curtain, and with great propriety appeared, leading Hagar, whose singing was considered more wonderful than all the rest of the performance put together.

Act fourth displayed the despairing Roderigo on the point of stabbing himself because he has been told that Zara has deserted him. Just as the dagger is at his heart, a lovely song is sung under his window, informing him that Zara is true but in danger, and he can save her if he will. A key is thrown in, which unlocks the door, and in a spasm of rapture he tears off his chains and rushes away to find and rescue his lady love.

Act fifth opened with a stormy scene between Zara and Don Pedro. He wishes her to go into a convent, but she won't hear of it, and after a touching appeal, is about to faint when Roderigo dashes in and demands her hand. Don Pedro refuses, because he is not rich. They shout and gesticulate tremendously but cannot agree, and Rodrigo

В третьем акте в зале замка появилась Хейгар, чтобы освободить влюбленных и прикончить Гуго. Услышав его шаги, она прячется, наблюдая, как он подливает зелья в две чаши с вином и приказывает робкому маленькому слуге: «Отнеси их пленникам в темницу и скажи им, что я скоро приду». Слуга отводит Гуго в сторону, чтобы сообщить ему кое-что, и Хейгар меняет чаши на две другие, безвредные. Прислужник Фердинандо уносит их, а Хейгар ставит на место чашу с ядом, предназначенным для Родриго. Гуго, испытывая жажду после долгой трели, пьет из чаши, теряет рассудок и, после долгих судорог и топая ногами, падает на пол и умирает, в то время как Хейгар в мелодичной и проникновенной арии сообщает ему о том, что она сделала.

Это была поистине захватывающая сцена, хотя некоторые могли бы счесть, что эффект смерти злодея несколько испортила копна рыжеватых волос, внезапно выбившихся из-под шляпы. Гуго вызвали на поклон, и он с большим достоинством вышел, ведя за собой Хейгар, чье пение считалось чудеснее, чем все остальное в представлении, вместе взятое.

В четвертом действии предстал отчаявшийся Родриго, готовый заколоть себя ножом, так как ему сказали, что Зара его оставила. Как раз в тот момент, когда кинжал готов был вонзиться в сердце Родриго, под его окном кто-то поет прекрасную песню, в которой сообщается, что Зара ему верна, но она в опасности и он может спасти ее, если пожелает. Ему бросают ключ, чтобы отпереть дверь, и в восторге он срывает с себя цепи, бросаясь прочь из темницы, чтобы найти и спасти свою возлюбленную.

Пятый акт начался бурной сценой между Зарой и доном Педро. Он настаивает на том, чтобы она ушла в монастырь, но она и слышать об этом не хочет и, после трогательной мольбы, готова упасть в обморок, как вдруг в комнату врывается Родриго и настойчиво просит ее руки. Но он небогат, и дон Педро отказывает ему.

is about to bear away the exhausted Zara, when the timid servant enters with a letter and a bag from Hagar, who has mysteriously disappeared. The latter informs the party that she bequeaths untold wealth to the young pair and an awful doom to Don Pedro, if he doesn't make them happy. The bag is opened, and several quarts of tin money shower down upon the stage till it is quite glorified with the glitter. This entirely softens the stern sire. He consents without a murmur, all join in a joyful chorus, and the curtain falls upon the lovers kneeling to receive Don Pedro's blessing in attitudes of the most romantic grace.

Tumultuous applause followed but received an unexpected check, for the cot bed, on which the dress circle was built, suddenly shut up and extinguished the enthusiastic audience. Roderigo and Don Pedro flew to the rescue, and all were taken out unhurt, though many were speechless with laughter. the excitement had hardly subsided when Hannah appeared, with "Mrs. March's compliments, and would the ladies walk down to supper."

This was a surprise even to the actors, and when they saw the table, they looked at one another in rapturous amazement. It was like Marmee to get up a little treat for them, but anything so fine as this was unheard of since the departed days of plenty. There was ice cream, actually two dishes of it, pink and white, and cake and fruit and distracting french bonbons and, in the middle of the table, four great bouquets of hot house flowers.

It quite took their breath away, and they stared first at the table and then at their mother, who looked as if she enjoyed it immensely.

"Is it fairies?" asked Amy.

"Santa Claus," said Beth.

Они громко кричат и жестикулируют, но не могут договориться, и Родриго уже собирается увести измученную Зару с собой, как вдруг входит робкий слуга с письмом и мешком от таинственно исчезнувшей Хейгар. Последняя сообщает присутствующим, что она завещает несметные богатства молодой паре и обещает страшную погибель дону Педро, если он помешает их счастью. И тут мешок открывается, и поток оловянных монет с ослепительным блеском высыпается на пол. Это решительно смягчает суровое сердце отца. Он безропотно дает согласие, все сливаются в радостном хоре, и занавес опускается в тот момент, когда исполненные самой романтической грации влюбленные стоят, преклонив колени, чтобы получить благословение дона Педро.

Последовали бурные овации, которые были неожиданно резко прерваны, так как раскладная кровать, на которой был устроен бельэтаж, внезапно сложилась, что притушило пыл аудитории. Родриго и дон Педро бросились на помощь, и все девочки были извлечены целыми и невредимыми, хотя многие из них просто давились от смеха. Едва улеглось возбуждение, как появилась Ханна с «наилучшими поздравлениями от миссис Марч и приглашением всем спуститься к ужину».

Это было неожиданностью даже для актеров, и когда они увидели стол, то посмотрели друг на друга в восторженном изумлении. Это было очень похоже на маму — она всегда готовила для них кое-какие лакомства, но со времен ушедших дней изобилия еще не бывало ничего столь прекрасного, как угощение в этот вечер. Там было мороженое, а именно два вида — розовое и белое, и торт, и фрукты, и бесподобные французские конфеты, а в середине стола стояло четыре больших букета тепличных цветов.

У девочек перехватило дыхание, и они устали сначала на стол, а потом на мать, которая выглядела так, словно ей все очень нравилось.

— Это феи принесли? — спросила Эми.

— Санта-Клаус, — сказала Бет.

“Mother did it.” And Meg smiled her sweetest, in spite of her gray beard and white eyebrows.

“Aunt March had a good fit and sent the supper,” cried Jo, with a sudden inspiration.

“All wrong. Old Mr. Laurence sent it,” replied Mrs. March.

“The Laurence boy’s grandfather! What in the world put such a thing into his head? We don’t know him!” exclaimed Meg.

“Hannah told one of his servants about your breakfast party. He is an odd old gentleman, but that pleased him. He knew my father years ago, and he sent me a polite note this afternoon, saying he hoped I would allow him to express his friendly feeling toward my children by sending them a few trifles in honor of the day. I could not refuse, and so you have a little feast at night to make up for the bread-and-milk breakfast.”

“That boy; put it into his head, I know he did! He’s a capital fellow, and I wish we could get acquainted. He looks as if he’d like to know us but he’s bashful, and Meg is so prim she won’t let me speak to him when we pass,” said Jo, as the plates went round, and the ice began to melt out of sight, with ohs and ahs of satisfaction.

“You mean the people who live in the big house next door, don’t you?” asked one of the girls. “My mother knows old Mr. Laurence, but says he’s very proud and doesn’t like to mix with his neighbors. He keeps his grandson shut up, when he isn’t riding or walking with his tutor, and makes him study very hard. We invited him to our party, but he didn’t come. Mother says he’s very nice, though he never speaks to us girls.”

— Это мама сделала. — И Мэг улыбнулась самой милой улыбкой, несмотря на свою седую бороду и белые брови.

— В порыве доброты тетушка Марч прислала этот ужин, — поделилась Джо своим внезапным озарением.

— Вы все ошиблись. Все это прислал старый мистер Лоуренс, — ответила миссис Марч.

— Дедушка Лоуренса-младшего! О боже, как ему это пришло в голову? Мы же его совсем не знаем! — воскликнула Мэг.

— Ханна рассказала одному из его слуг о нашем сегодняшнем завтраке. Он странный пожилой джентльмен, но ему понравился наш поступок. Он был знаком с моим отцом много лет назад и сегодня днем прислал мне вежливую записку, в которой выражал надежду, что я позволю ему выказать свои дружеские чувства к моим детям, послав им немного сладостей в честь этого праздника. Я не смогла отказать ему, и поэтому этим вечером у вас будет небольшой пир, чтобы компенсировать завтрак хлебом с молоком.

— Это внук его надоумил, я знаю! Он замечательный парень, и мне хотелось бы познакомиться с ним поближе. Он выглядит так, будто он тоже не прочь познакомиться с нами, но стесняется, а Мэг такая чопорная и не позволяет мне самой заговорить с ним, когда мы проходим мимо, — сказала Джо, когда тарелки с угощениями пошли по кругу и мороженое начало таять на глазах под восхищенные охи и ахи.

— Вы имеете в виду ваших соседей, которые живут в большом доме? — спросила одна из девочек. — Моя мать знает старого мистера Лоуренса, но говорит, что он очень высокомерный и не любит общаться с соседями. Он держит своего внука взаперти и заставляет его усердно учиться, когда тот не ездит верхом или не прогуливается со своим гувернером. Мы пригласили мальчика на нашу вечеринку, но он не пришел. Мама говорит, что он очень милый, хотя никогда не заговаривает с нами, девочками.

“Our cat ran away once, and he brought her back, and we talked over the fence, and were getting on capitally, all about cricket, and so on, when he saw Meg coming, and walked off. I mean to know him some day, for he needs fun, I’m sure he does,” said Jo decidedly.

“I like his manners, and he looks like a little gentleman, so I’ve no objection to your knowing him, if a proper opportunity comes. He brought the flowers himself, and I should have asked him in, if I had been sure what was going on upstairs. He looked so wistful as he went away, hearing the frolic and evidently having none of his own.”

“It’s a mercy you didn’t, Mother!” laughed Jo, looking at her boots. “But we’ll have another play sometime that he can see. Perhaps he’ll help act. Wouldn’t that be jolly?”

“I never had such a fine bouquet before! How pretty it is!” And Meg examined her flowers with great interest.

“They are lovely. But Beth’s roses are sweeter to me,” said Mrs. March, smelling the half-dead posy in her belt.

Beth nestled up to her, and whispered softly,

“I wish I could send my bunch to Father. I’m afraid he isn’t having such a merry Christmas as we are.”

Chapter 3

THE LAURENCE BOY

“Jo! Jo! Where are you?” cried Meg at the foot of the garret stairs.

“Here!” answered a husky voice from above, and, running up, Meg found her sister eating apples and crying

— Как-то раз наша кошка убежала, и он вернул ее нам, и мы отлично поболтали через забор о крикете и тому подобном, но когда он увидел, что Мэг идет, он ушел. Когда-нибудь я познакомлюсь с ним поближе, потому что ему нужно как-то развлекаться, я уверена в этом, — решительно сказала Джо.

— Мне нравятся его манеры, и он выглядит как юный джентльмен, так что я не возражаю против того, чтобы вы с ним подружились, если представится подходящая возможность. Он сам принес эти цветы, и я бы пригласила его войти в дом, если бы знала, что у вас происходит там, наверху. Он выглядел таким задумчивым, когда уходил, услышав, как вы веселитесь и, очевидно, дома у него ничего подобного не происходит.

— Какое счастье, что ты его не пригласила, мама, — засмеялась Джо, глядя на свои сапоги. — Но когда-нибудь у нас будет еще одна пьеса, которую он сможет посмотреть. Возможно, он даже сыграет в ней какую-нибудь роль. Было бы здорово, правда?

— Я в жизни не видела такого прекрасного букета! Какой он красивый! — Мэг с большим интересом рассматривала цветы.

— Они прелестны. Но розы Бет мне милее, — сказала миссис Марч, вдыхая запах полуувядшего букетика на своем поясе.

Бет прижалась к ней и тихо прошептала:

— Как бы я хотела послать свой букет папе. Боюсь, у него не такое веселое Рождество, как у нас.

Глава 3

ЛОУРЕНС-МЛАДШИЙ

— Джо! Джо! Ты где? — крикнула Мэг у подножия чердачной лестницы.

— Здесь! — ответил хриплый голос сверху, и, подбежав, Мэг увидела, что сестра ест яблоки и плачет над

over the Heir of Redclyffe, wrapped up in a comforter on an old three-legged sofa by the sunny window. This was Jo's favorite refuge, and here she loved to retire with half a dozen russets and a nice book, to enjoy the quiet and the society of a pet rat who lived near by and didn't mind her a particle. As Meg appeared, Scrabble whisked into his hole. Jo shook the tears off her cheeks and waited to hear the news.

"Such fun! Only see! A regular note of invitation from Mrs. Gardiner for tomorrow night!" cried Meg, waving the precious paper and then proceeding to read it with girlish delight.

"Mrs. Gardiner would be happy to see Miss March and Miss Josephine at a little dance on New Year's Eve. Marmee is willing we should go, now what shall we wear?"

"What's the use of asking that, when you know we shall wear our poplins, because we haven't got anything else?" answered Jo with her mouth full.

"If I only had a silk!" sighed Meg. "Mother says I may when I'm eighteen perhaps, but two years is an everlasting time to wait."

"I'm sure our pops look like silk, and they are nice enough for us. Yours is as good as new, but I forgot the burn and the tear in mine. Whatever shall I do? The burn shows badly, and I can't take any out."

"You must sit still all you can and keep your back out of sight. The front is all right. I shall have a new ribbon for my hair, and Marmee will lend me her little pearl pin, and my new slippers are lovely, and my gloves will do, though they aren't as nice as I'd like."

«Наследником Рэдклиффа», завернувшись в одеяло на старом трехногом диване у солнечного окна. Это было любимое убежище Джо, и здесь она обыкновенно уединялась с полудюжиной коричневых яблок и хорошей книгой, наслаждаясь тишиной и обществом ручной крысы, которая жила рядом и не обращала на нее ни малейшего внимания. Как только появилась Мэг, Скрэбл юркнула в свою нору. Джо стряхнула слезы со щек в ожидании новостей.

— Так здорово! Ты только посмотри! Настоящее письменное приглашение от миссис Гардинер на завтрашний вечер! — воскликнула Мэг, размахивая драгоценным листком и продолжая читать его с девичьим восторгом.

— Миссис Гардинер была бы счастлива увидеть мисс Марч и мисс Джозефину на небольшом балу в канун Нового года. Мама хочет, чтобы мы туда пошли. И что нам теперь надеть?

— Что толку спрашивать об этом, ты же знаешь, мы наденем наши поплиновые платья, потому что у нас нет других, — ответила Джо с набитым ртом.

— Вот бы у меня было шелковое! — вздохнула Мэг. — Мама говорит, что у меня такое будет, когда мне исполнится восемнадцать, но еще два года ожидания — это целая вечность.

— Я уверена, что наши поплиновые платья выйдут почти как шелковые, и они нам вполне идут. Твое платье как новенькое, но я забыла про прожженную дыру на своем. Что же мне делать? Пятно сильно заметно сзади, и я ничем не могу его вывести.

— Тебе придется сидеть неподвижно и не показывать свою испачканную спину — это все, что ты можешь сделать. Спереди у тебя все в порядке. У меня будет новая лента для волос, и мама одолжит мне свою маленькую жемчужную булавку, мои новые туфли очень красивые, и мои перчатки тоже сюда подойдут, хотя они не так хороши, как хотелось бы.

“Mine are spoiled with lemonade, and I can’t get any new ones, so I shall have to go without,” said Jo, who never troubled herself much about dress.

“You must have gloves, or I won’t go,” cried Meg decidedly. “Gloves are more important than anything else. You can’t dance without them, and if you don’t I should be so mortified.”

“Then I’ll stay still. I don’t care much for company dancing. It’s no fun to go sailing round. I like to fly about and cut capers.”

“You can’t ask Mother for new ones, they are so expensive, and you are so careless. She said when you spoiled the others that she shouldn’t get you any more this winter. Can’t you make them do?”

“I can hold them crumpled up in my hand, so no one will know how stained they are. That’s all I can do. No! I’ll tell you how we can manage, each wear one good one and carry a bad one. Don’t you see?”

“Your hands are bigger than mine, and you will stretch my glove dreadfully,” began Meg, whose gloves were a tender point with her.

“Then I’ll go without. I don’t care what people say!” cried Jo, taking up her book.

“You may have it, you may! Only don’t stain it, and do behave nicely. Don’t put your hands behind you, or stare, or say ‘Christopher Columbus!’ will you?”

“Don’t worry about me. I’ll be as prim as I can and not get into any scrapes, if I can help it. Now go and answer your note, and let me finish this splendid story.”

So Meg went away to ‘accept with thanks’, look over her dress, and sing blithely as she did up her one real lace frill, while Jo finished her story, her four apples, and had a game of romps with Scrabble.

— Я пролила на свои перчатки лимонад, а новые я достать не могу, так что придется обойтись без них, — сказала Джо, которая никогда особо не задумывалась о нарядах.

— Ты должна быть в перчатках, иначе я не пойду! — решительно воскликнула Мэг. — Перчатки важнее всего остального. Ты не сможешь танцевать без них, а если ты не наденешь перчатки, ты меня очень обидишь.

— Тогда я не буду танцевать. Я не очень люблю групповые танцы. Ходить по залу, как под парусом, совсем не весело. Я больше люблю порхать и выкидывать коленца.

— Не проси у мамы новые перчатки, они ведь такие дорогие, а ты так неаккуратна. Когда ты испортила ту пару, она сказала, что не купит тебе новые этой зимой. Неужели нельзя обойтись этими?

— Я могу держать их скомканными в руке, так что никто не узнает, насколько они испачканы. Это все, что я могу сделать. Нет! Я скажу тебе, как мы поступим, каждая наденет одну хорошую перчатку и будет держать в руке по одной плохой. Понимаешь?

— У тебя руки больше, и ты ужасно растянешь мою перчатку, — начала Мэг, для которой перчатки были большим вопросом.

— Тогда я обойдусь без перчаток. Мне все равно, что скажут люди! — воскликнула Джо, берясь за книгу.

— Ладно-ладно, забирай мою! Только не испачкай ее и веди себя прилично. Не убирай руки за спину, не глазей по сторонам и не восклицай постоянно: «Христовфор Колумб!»

— Не беспокойся обо мне. Я буду держать себя в руках и не попаду ни в какие передряги, если получится. А теперь иди и ответь на свою записку и дай мне прочитать этот великолепный роман.

Итак, Мэг ушла, чтобы «с благодарностью принять приглашение», осмотреть свое платье и, беспечно напевая, пришить к нему свою единственную настоящую кружевную оборку, в то время как Джо дочитала свой

On New Year's Eve the parlor was deserted, for the two younger girls played dressing maids and the two elder were absorbed in the all-important business of 'getting ready for the party'. Simple as the toilets were, there was a great deal of running up and down, laughing and talking, and at one time a strong smell of burned hair pervaded the house. Meg wanted a few curls about her face, and Jo undertook to pinch the papered locks with a pair of hot tongs.

"Ought they to smoke like that?" asked Beth from her perch on the bed.

"It's the dampness drying," replied Jo.

"What a queer smell! It's like burned feathers," observed Amy, smoothing her own pretty curls with a superior air.

"There, now I'll take off the papers and you'll see a cloud of little ringlets," said Jo, putting down the tongs.

She did take off the papers, but no cloud of ringlets appeared, for the hair came with the papers, and the horrified hairdresser laid a row of little scorched bundles on the bureau before her victim.

"Oh, oh, oh! What have you done? I'm spoiled! I can't go! My hair, oh, my hair!" wailed Meg, looking with despair at the uneven frizzle on her forehead.

"Just my luck! You shouldn't have asked me to do it. I always spoil everything. I'm so sorry, but the tongs were too hot, and so I've made a mess," groaned poor Jo, regarding the little black pancakes with tears of regret.

"It isn't spoiled. Just frizzle it, and tie your ribbon so the ends come on your forehead a bit, and it will look like the last fashion. I've seen many girls do it so," said Amy consolingly.

роман, доела оставшиеся четыре яблока и поиграла со Скрэбл.

В канун Нового года гостиная опустела, потому что две младшие девочки изображали камеристок, а две старшие были поглощены чрезвычайно важным делом — «подготовкой к вечеринке». Несмотря на простоту туалетов, было много беготни вверх и вниз, смеха и разговоров. И вдруг весь дом наполнился сильным запахом паленых волос. Мэг решила завить несколько локонов у лица, и Джо принялась прижимать намотанные на бумажки кудри горячими щипцами.

— Разве они должны так дымить? — спросила Бет, сидя на кровати.

— Это влага испаряется, — ответила Джо.

— Какой странный запах! Похоже на горелые перья, — заметила Эми, с видом превосходства пригласившая свои красивые кудри.

— Ну вот, сейчас я сниму бумажки, и ты увидишь облако маленьких кудряшек, — сказала Джо, откладывая щипцы в сторону.

Она сняла бумажки, но облачка кудряшек не появилось, потому что вместе с бумажками она сняла и волосы, и незадачливая парикмахерша положила ряд маленьких обгоревших узелков на комод перед своей жертвой.

— Ой-ой-ой! Что ты наделала? Ты испортила мою прическу! Я не могу так пойти! Мои волосы! О, мои волосы! — причитала Мэг, с отчаянием глядя на неровные завитки на лбу.

— Просто я невезучая! Лучше бы ты не просила меня об этом, я такая нескладная. Мне очень жаль, но щипцы были слишком горячими, и я все испортила, — простонала бедная Джо, со слезами сожаления глядя на маленькие черные блинчики.

— Ничего не испорчено. Просто завей их и завяжи ленту так, чтобы концы локонов немного падали на лоб, и это будет выглядеть как по последней моде. Я видела, многие девушки так делают, — сказала Эми, успокаивая ее.

“Serves me right for trying to be fine. I wish I’d let my hair alone,” cried Meg petulantly.

“So do I, it was so smooth and pretty. But it will soon grow out again,” said Beth, coming to kiss and comfort the shorn sheep.

After various lesser mishaps, Meg was finished at last, and by the united exertions of the entire family Jo’s hair was got up and her dress on. They looked very well in their simple suits, Meg’s in silvery drab, with a blue velvet snood, lace frills, and the pearl pin. Jo in maroon, with a stiff, gentlemanly linen collar, and a white chrysanthemum or two for her only ornament. Each put on one nice light glove, and carried one soiled one, and all pronounced the effect “quite easy and fine”. Meg’s high-heeled slippers were very tight and hurt her, though she would not own it, and Jo’s nineteen hairpins all seemed stuck straight into her head, which was not exactly comfortable, but, dear me, let us be elegant or die.

“Have a good time, dearies!” said Mrs. March, as the sisters went daintily down the walk. “Don’t eat much supper, and come away at eleven when I send Hannah for you.”

As the gate clashed behind them, a voice cried from a window...

“Girls, girls! Have you you both got nice pocket handkerchiefs?”

“Yes, yes, spandy nice, and Meg has cologne on hers,” cried Jo, adding with a laugh as they went on, “I do believe Marmee would ask that if we were all running away from an earthquake.

“It is one of her aristocratic tastes, and quite proper, for a real lady is always known by neat boots, gloves, and

— Поделом мне за то, что я стараюсь выглядеть красиво. Лучше бы я не трогала свои волосы! — раздраженно воскликнула Мэг.

— Я тоже так считаю, они были такими гладкими и красивыми. Но скоро они снова отрастут, — сказала Бет, подходя, чтобы поцеловать и утешить стриженую овцу.

Преодолев другие более мелкие неудачи, Мэг наконец закончила приготовления, и объединенными усилиями всей семьи Джо была одета, а ее волосы уложены. Они очень хорошо смотрелись в своих простых нарядах: Мэг — в серебристо-сером платье с синей бархатной лентой, кружевными оборками и жемчужной булавкой, а Джо — в бордовом платье с жестким мужским льняным воротничком и парой белых хризантем в качестве единственного украшения. На одной руке каждой из них была надета красивая легкая перчатка, а в другой руке они сжимали по одной испачканной, и все сошлись на том, что они выглядят «довольно непринужденно и привлекательно». Туфли Мэг на высоких каблуках были очень тесными и причиняли ей боль, хотя она и не признавалась в этом, а девятнадцать шпилек Джо, казалось, вонзались ей прямо в голову, что было не совсем удобно, но, господа, будем же элегантны или умрем!

— Желаю вам хорошо провести время, дорогие! — сказала миссис Марч, когда сестры грациозно зашагали по дорожке. — Не ешьте много на ужин и приходите в одиннадцать, я пришлю за вами Ханну.

Когда за ними захлопнулась калитка, из окна раздался голос:

— Девочки, девочки! Вы захватили чистые носовые платки?

— Да-да, совершенно новые, а Мэг надушила свой платок одеколоном! — воскликнула Джо и со смехом добавила: — Я думаю, что матушка спросила бы об этом, даже если бы мы спасались от землетрясения.

— Это одна из ее аристократических привычек, что очень правильно, потому что настоящую леди всегда

handkerchief," replied Meg, who had a good many little 'aristocratic tastes' of her own.

"Now don't forget to keep the bad breadth out of sight, Jo. Is my sash right? And does my hair look very bad?" said Meg, as she turned from the glass in Mrs. Gardiner's dressing room after a prolonged prink.

"I know I shall forget. If you see me doing anything wrong, just remind me by a wink, will you?" returned Jo, giving her collar a twitch and her head a hasty brush.

"No, winking isn't ladylike. I'll lift my eyebrows if anything is wrong, and nod if you are all right. Now hold your shoulder straight, and take short steps, and don't shake hands if you are introduced to anyone. It isn't the thing."

"How do you learn all the proper ways? I never can. Isn't that music gay?"

Down they went, feeling a trifle timid, for they seldom went to parties, and informal as this little gathering was, it was an event to them. Mrs. Gardiner, a stately old lady, greeted them kindly and handed them over to the eldest of her six daughters. Meg knew Sallie and was at her ease very soon, but Jo, who didn't care much for girls or girlish gossip, stood about, with her back carefully against the wall, and felt as much out of place as a colt in a flower garden. Half a dozen jovial lads were talking about skates in another part of the room, and she longed to go and join them, for skating was one of the joys of her life. She telegraphed her wish to Meg, but the eyebrows went up so alarmingly that she dared not stir. No one came to talk to her, and one by one the group dwindled away till she was left alone. She could not roam about and amuse herself, for the burned breadth would show, so she stared at people rather forlornly till the dancing began.

узнают по безупречной обуви, перчаткам и носовому платку, — ответила Мэг, у которой было немало своих «аристократических привычек».

— А ты, Джо, не забывай скрывать испорченную сторону подола своего платья. Мой пояс в порядке? А волосы у меня очень плохо выглядят? — спросила Мэг, отвернувшись от зеркала в гардеробной миссис Гардинер после продолжительного прихорашивания.

— Я точно забуду. Если увидишь, что я делаю что-то не так, просто напомни мне, подмигнув, ладно? — ответила Джо, поддернув свой воротничок и торопливо поправляя прическу.

— Нет, леди не подобает подмигивать. Я подниму брови, если что-то не так, и кивну, если с тобой будет все в порядке. Теперь расправь плечи, делай шаги поменьше и не пожимай людям руку, если тебя с кем-то знакомят. Так делать неприлично.

— Как тебе удастся всегда помнить обо всех этих приличиях? Я все время об этом забываю. Какая веселая музыка, правда?

Они спустились вниз, чувствуя некоторую робость, так как редко бывали на вечеринках, и, каким бы неофициальным ни был этот выход в свет, все же он был для них очень важен. Миссис Гардинер, величественная пожилая дама, приветливо поздоровалась с ними и передала их на попечение старшей из своих шести дочерей. Мэг знала Салли и очень скоро почувствовала себя непринужденно, а Джо, которая не очень жаловала девушек и девичьи сплетни, стояла, осмотрительно прислонившись спиной к стене, и чувствовала себя не в своей тарелке, как жеребенок в цветнике. Полдюжины веселых парней болтали о коньках в другой части комнаты, и ей очень хотелось присоединиться к ним, потому что катание на коньках было одной из основных радостей ее жизни. Она взглядом сообщила о своем намерении Мэг, но брови у той так тревожно поползли вверх, что Джо не осмелилась сдвинуться с места. Никто не подходил поговорить с ней, и одна за другой группы удалялись,

Meg was asked at once, and the tight slippers tripped about so briskly that none would have guessed the pain their wearer suffered smilingly. Jo saw a big red headed youth approaching her corner, and fearing he meant to engage her, she slipped into a curtained recess, intending to peep and enjoy herself in peace. Unfortunately, another bashful person had chosen the same refuge, for, as the curtain fell behind her, she found herself face to face with the 'Laurence boy'.

"Dear me, I didn't know anyone was here!" stammered Jo, preparing to back out as speedily as she had bounced in.

But the boy laughed and said pleasantly, though he looked a little startled,

"Don't mind me, stay if you like."

"Shan't I disturb you?"

"Not a bit. I only came here because I don't know many people and felt rather strange at first, you know."

"So did I. Don't go away, please, unless you'd rather."

The boy sat down again and looked at his pumps, till Jo said, trying to be polite and easy,

"I think I've had the pleasure of seeing you before. You live near us, don't you?"

"Next door." And he looked up and laughed outright, for Jo's prim manner was rather funny when he remembered how they had chatted about cricket when he brought the cat home.

That put Jo at her ease and she laughed too, as she said, in her heartiest way,

пока она не осталась совсем одна. Она не могла ходить по залу и развлекаться, потому что кто-то мог увидеть ее прожженный подол, из-за чего она довольно тоскливо смотрела на людей вокруг, пока не начались танцы.

Мэг один раз пригласили на танец, и ее тесные туфли запорхали так быстро, что никто не догадался, какую боль они причиняют своей улыбающейся обладательнице. Джо увидела, что к ее углу приближается высокий рыжеволосый юноша, и, испугавшись, что он собирается пригласить ее на танец, проскользнула в занавешенную нишу, намереваясь подглядывать оттуда и отдохнуть в тишине. К несчастью, еще одна застенчивая особа выбрала то же самое убежище, потому что, когда штора опустилась за ее спиной, Джо оказалась лицом к лицу с Лоуренсом-младшим.

— Бог мой, я не знала, что здесь еще кто-то есть! — пробормотала Джо, готовясь так же быстро выйти из-за шторы, как она туда ворвалась.

Но юноша засмеялся и сказал любезно, хотя и выглядел немного испуганным:

— Не обращайтесь на меня внимания, оставайтесь здесь сколько хотите.

— Я вас не побеспокою?

— Ни капельки. Я зашел сюда только потому, что мало кого знаю, и поначалу чувствовал себя довольно странно, знаете ли.

— Не уходите, пожалуйста, если хотите, оставайтесь.

Юноша снова сел и стал смотреть на свои бальные туфли, пока Джо не сказала, стараясь быть вежливой и непринужденной:

— Я думаю, что имела удовольствие встречать вас раньше. Вы ведь наш сосед, не так ли?

— Да, я ваш сосед. — Он поднял глаза и рассмеялся, потому что чопорная речь Джо показалась ему довольно забавной, — он вспомнил, как они болтали о крикете, когда он принес ей пропавшую кошку.

Это успокоило Джо, и она тоже рассмеялась, сказав самым сердечным тоном:

“We did have such a good time over your nice Christmas present.”

“Grandpa sent it.”

“But you put it into his head, didn’t you, now?”

“How is your cat, Miss March?” asked the boy, trying to look sober while his black eyes shone with fun.

“Nicely, thank you, Mr. Laurence. But I am not Miss March, I’m only Jo,” returned the young lady.

“I’m not Mr. Laurence, I’m only Laurie.”

“Laurie Laurence, what an odd name.”

“My first name is Theodore, but I don’t like it, for the fellows called me Dora, so I made the say Laurie instead.”

“I hate my name, too, so sentimental! I wish everyone would say Jo instead of Josephine. How did you make the boys stop calling you Dora?”

“I thrashed ’em.”

“I can’t thrash Aunt March, so I suppose I shall have to bear it.” And Jo resigned herself with a sigh.

“Don’t you like to dance, Miss Jo?” asked Laurie, looking as if he thought the name suited her.

“I like it well enough if there is plenty of room, and everyone is lively. In a place like this I’m sure to upset something, tread on people’s toes, or do something dreadful, so I keep out of mischief and let Meg sail about. Don’t you dance?”

“Sometimes. You see I’ve been abroad a good many years, and haven’t been into company enough yet to know how you do things here.”

“Abroad!.” cried Jo. “Oh, tell me about it! I love dearly to hear people describe their travels.”

Laurie didn’t seem to know where to begin, but Jo’s eager questions soon set him going, and he told her how

— Мы так хорошо провели время, получив ваш чудесный подарок к Рождеству.

— Это вам бабушка прислала.

— Но ведь это вы предложили ему, правда?

— А как поживает ваша кошка, мисс Марч? — спросил молодой человек, стараясь выглядеть сдержанным, в то время как его черные глаза весело блестели.

— Прекрасно, благодарю вас, мистер Лоуренс. Но я не мисс Марч, я просто Джо, — ответила юная леди.

— И я не мистер Лоуренс, зовите меня Лори.

— Лори Лоуренс, какое странное имя.

— Меня зовут Теодор, хотя мне не нравится это имя, потому что мои друзья звали меня Дорой, но я заставил их называть меня Лори.

— Я тоже ненавижу свое имя, оно такое сентиментальное! Мне бы хотелось, чтобы все называли меня Джо, а не Джозефина. А как вы заставили мальчиков перестать называть себя Дорой?

— Я их поколотил.

— Я не могу побить тетушку Марч, так что, видимо, мне придется терпеть это дальше. — И Джо вздохнула со смирением.

— Вы не любите танцевать, мисс Джо? — спросил Лори с таким видом, словно это имя ей очень подходило.

— Мне очень нравится танцевать, когда просторно и шумно. Но в таком месте, как это, я обязательно что-нибудь испорчу, отдавлю всем пятки или сделаю что-нибудь ужасное, поэтому я стараюсь избегать неприятностей и позволяю Мэг фланировать по залу без меня. А вы не танцуете?

— Иногда. Видите ли, я много лет жил за границей и еще не успел влиться в ваше общество, чтобы узнать, какая у вас тут мода.

— За границей! — воскликнула Джо. — О, расскажите мне об этом! Я очень люблю послушать, как люди описывают свои путешествия.

Лори, казалось, не знал, с чего начать, но нетерпеливые расспросы Джо вскоре его раззадорили, и он

he had been at school in Vevay, where the boys never wore hats and had a fleet of boats on the lake, and for holiday fun went on walking trips about Switzerland with their teachers.

“Don’t I wish I’d been there!” cried Jo. “Did you go to Paris?”

“We spent last winter there.”

“Can you talk French?”

“We were not allowed to speak anything else at Vevay.”

“Do say some! I can read it, but can’t pronounce.”

“*Quel nom a cetter jeune demoiselle en les pantouilles jolis?*”

“How nicely you do it! Let me see... you said, ‘Who is the young lady in the pretty slippers’, didn’t you?”

“*Oui, mademoiselle.*”

“It’s my sister Margaret, and you knew it was! Do you think she is pretty?”

“Yes, she makes me think of the German girls, she looks so fresh and quiet, and dances like a lady.”

Jo quite glowed with pleasure at this boyish praise of her sister, and stored it up to repeat to Meg. Both peeped and criticized and chatted till they felt like old acquaintances. Laurie’s bashfulness soon wore off, for Jo’s gentlemanly demeanor amused and set him at his ease, and Jo was her merry self again, because her dress was forgotten and nobody lifted their eyebrows at her. She liked the ‘Laurence boy’ better than ever and took several good looks at him, so that she might describe him to the girls, for they had no brothers, very few male cousins, and boys were almost unknown creatures to them.

рассказал ей, как учился в школе в Веве, где мальчики никогда не носили шляп, и у них была целая флотилия лодок на озере, и для развлечения на каникулах они ходили в походы по Швейцарии со своими учителями.

— Как бы я хотела там побывать! — воскликнула Джо. — Вы были в Париже?

— Мы провели там прошлую зиму.

— Вы говорите по-французски?

— В Веве нам можно было говорить только по-французски.

— Скажите что-нибудь! Я могу читать на французском, но не могу говорить.

— *Quel nom a cette jeune demoiselle en les pantoufles jolis?*

— Как хорошо у вас получается! Дайте-ка подумать... вы спросили: «Кто эта юная леди в красивых туфельках?»

— *Oui, mademoiselle.*

— Это моя сестра Маргарет, и вы знали, что это она! Вы считаете, она хорошенькая?

— Да, она напоминает мне немецких девушек, она выглядит такой цветущей и спокойной и танцует как настоящая леди.

Джо вся просияла от удовольствия, услышав эту мальчишечью похвалу в адрес сестры, и запомнила этот комплимент, чтобы потом передать Мэг. Оба подглядывали из-за штор, обсуждали гостей и болтали, пока не почувствовали себя старыми знакомыми. Застенчивость Лори скоро прошла, потому что мальчишеское поведение Джо забавляло и успокаивало его, и Джо снова развеселилась, потому что ее платье было забыто и никто не поднимал на нее брови. Лоуренс-младший понравился ей больше, чем когда-либо, и она несколько раз внимательно посмотрела на него, чтобы потом описать его девочкам, потому что у них не было братьев, очень мало кузенов, а мальчики были для них практически незнакомыми существами.

“Curly black hair, brown skin, big black eyes, handsome nose, fine teeth, small hands and feet, taller than I am, very polite, for a boy, and altogether jolly. Wonder how old he is?”

It was on the tip of Jo’s tongue to ask, but she checked herself in time and, with unusual tact, tried to find out in a round-about way.

“I suppose you are going to college soon? I see you pegging away at your books, no, I mean studying hard.” And Jo blushed at the dreadful ‘pegging’ which had escaped her.

Laurie smiled but didn’t seem shocked, and answered with a shrug.

“Not for a year or two. I won’t go before seventeen, anyway.”

“Aren’t you but fifteen?” asked Jo, looking at the tall lad, whom she had imagined seventeen already.

“Sixteen, next month.”

“How I wish I was going to college! You don’t look as if you liked it.”

“I hate it! Nothing but grinding or skylarking. And I don’t like the way fellows do either, in this country.”

“What do you like?”

“To live in Italy, and to enjoy myself in my own way.”

Jo wanted very much to ask what his own way was, but his black brows looked rather threatening as he knit them, so she changed the subject by saying, as her foot kept time,

“That’s a splendid polka! Why don’t you go and try it?”

“If you will come too,” he answered, with a gallant little bow.

“I can’t, for I told meg I wouldn’t, because...” There Jo stopped, and looked undecided whether to tell or to laugh.

«Вьющиеся темные волосы, смуглая кожа, большие черные глаза, красивый нос, прекрасные зубы, маленькие руки и ноги, выше меня, очень вежливый для юноши и довольно веселый. Интересно, сколько ему лет?»

Этот вопрос вертелся у Джо на кончике языка, но она вовремя сдержалась и с необычным тактом попыталась выяснить это окольным путем.

— Полагаю, вы скоро поступите в колледж? Я вижу, как вы чахнете над книгами, нет, я имею в виду усердно занимаетесь. — И Джо покраснела от ужасного слова «чахнете», которое случайно у нее вырвалось.

Лори улыбнулся, но не выглядел шокированным и ответил, пожав плечами:

— Через год или два, не раньше. Так или иначе, я не буду поступать, пока мне не исполнится семнадцать лет.

— Вам что, только пятнадцать? — спросила Джо, глядя на высокого юношу, думая, что ему уже семнадцать.

— В следующем месяце будет шестнадцать.

— Как бы я хотела поступить в колледж! А по вам не скажешь, будто вы горите желанием.

— Ненавижу колледж! Там нет ничего, кроме зубрежки или глупых забав. И мне не нравится, как живут люди в этой стране.

— А что вам нравится?

— Жить в Италии так, как мне хочется.

Джо не терпелось спросить, как именно он хочет проводить время, но его черные брови выглядели так угрожающе, когда он их нахмурил, поэтому она сменила тему, сказав, отбивая ногой такт:

— Какая превосходная полька! Почему бы вам не пойти и не попробовать потанцевать?

— Если вы присоединитесь ко мне, — ответил он с галантным поклоном.

— Я не могу, я обещала Мэг, что не буду, потому что... — Тут Джо замолчала и, казалось, не знала, продолжать ей разговор или засмеяться.

“Because, what?”

“You won’t tell?”

“Never!”

“Well, I have a bad trick of standing before the fire, and so I burn my frocks, and I scorched this one, and though it’s nicely mended, it shows, and Meg told me to keep still so no one would see it. You may laugh, if you want to. It is funny, I know.”

But Laurie didn’t laugh. He only looked down a minute, and the expression of his face puzzled Jo when he said very gently,

“Never mind that. I’ll tell you how we can manage. There’s a long hall out there, and we can dance grandly, and no one will see us. Please come.”

Jo thanked him and gladly went, wishing she had two neat gloves when she saw the nice, pearl-colored ones her partner wore. The hall was empty, and they had a grand polka, for Laurie danced well, and taught her the German step, which delighted Jo, being full of swing and spring. When the music stopped, they sat down on the stairs to get their breath, and Laurie was in the midst of an account of a students’ festival at Heidelberg when Meg appeared in search of her sister. She beckoned, and Jo reluctantly followed her into a side room, where she found her on a sofa, holding her foot, and looking pale.

“I’ve sprained my ankle. That stupid high heel turned and gave me a sad wrench. It aches so, I can hardly stand, and I don’t know how I’m ever going to get home,” she said, rocking to and fro in pain.

“I knew you’d hurt your feet with those silly shoes. I’m sorry. But I don’t see what you can do, except get a carriage, or stay here all night,” answered Jo, softly rubbing the poor ankle as she spoke.

— Потому что — что?

— Вы никому не скажете?

— Никогда!

— Ну, у меня плохая привычка стоять близко к камину, и поэтому я подпаливаю свои платья, а это я прожгла насквозь, и хотя оно хорошо заштопано, но все-таки очень заметно, и Мэг велела мне сидеть на месте, чтобы никто ничего не увидел. Можете смеяться, если хотите. Это смешно, я знаю.

Но Лори не засмеялся. Он опустил взгляд на мгновение, и выражение его лица озадачило Джо, когда он очень мягко сказал:

— Я скажу вам, как мы поступим. Там есть длинный зал, где мы сможем замечательно потанцевать, и никто нас не увидит. Пожалуйста, пойдите туда.

Джо поблагодарила Лори и с радостью пошла с ним, жалея, что у нее нет двух чистых перчаток, когда она увидела красивые, жемчужного цвета перчатки на руках ее партнера. Зал был пуст, и они станцевали большую польку, так как Лори хорошо танцевал и научил ее немецким па, которые привели Джо в восторг, потому что состояли из частых взмахов руками и прыжков. Когда музыка смолкла, они присели на ступеньки, чтобы отдышаться, и Лори как раз рассказывал о студенческом празднике в Гейдельберге, когда Мэг появилась в зале, разыскивая сестру. Она поманила ее, и Джо неохотно последовала за ней в боковую комнату, где побледневшая Мэг опустилась на диван, держась за свою ногу.

— Я растянула лодыжку. Этот дурацкий высокий каблук подвернулся, из-за чего я глупейшим образом вывихнула ногу. Болит так, что я еле могу стоять, и я не знаю, как вообще доберусь до дома, — сказала она, раскачиваясь из стороны в сторону от боли.

— Я так и знала, что ты повредишь себе ноги своими дурацкими туфлями. Извини. Но я не вижу для тебя другого выхода, кроме как нанять экипаж или остаться здесь на ночь, — ответила Джо, нежно поглаживая пострадавшую лодыжку Мэг, пока говорила.

“I can’t have a carriage without its costing ever so much. I dare say I can’t get one at all, for most people come in their own, and it’s a long way to the stable, and no one to send.”

“I’ll go.”

“No, indeed! It’s past nine, and dark as Egypt. I can’t stop here, for the house is full. Sallie has some girls staying with her. I’ll rest till Hannah comes, and then do the best I can.”

“I’ll ask Laurie. He will go,” said Jo,” looking relieved as the idea occurred to her.

“Mercy, no! Don’t ask or tell anyone. Get me my rubbers, and put these slippers with our things. I can’t dance anymore, but as soon as supper is over, watch for Hannah and tell me the minute she comes.”

“They are going out to supper now. I’ll stay with you. I’d rather.”

“No, dear, run along, and bring me some coffee. I’m so tired I can’t stir.”

So Meg reclined, with rubbers well hidden, and Jo went blundering away to the dining room, which she found after going into a china closet, and opening the door of a room where old Mr. Gardiner was taking a little private refreshment. Making a dart at the table, she secured the coffee, which she immediately spilled, thereby making the front of her dress as bad as the back.

“Oh, dear, what a blunderbuss I am!” exclaimed Jo, finishing Meg’s glove by scrubbing her gown with it.

“Can I help you?” said a friendly voice. And there was Laurie, with a full cup in one hand and a plate of ice in the other.

“I was trying to get something for Meg, who is very tired, and someone shook me, and here I am in a nice state,” answered Jo, glancing dismally from the stained skirt to the coffee-colored glove.

— Я не смогу нанять экипаж, это будет стоить очень дорого. Боюсь, что свободных вообще не найдется, потому что большинство гостей приезжают на своих, а до конюшни идти далеко, и послать некого.

— Я схожу.

— Нет, что ты! Уже девятый час, и на улице тьма египетская. Я не могу остаться здесь, потому что дом полон гостей. У Салли остаются какие-то девушки. Я отдохну, пока не придет Ханна, а потом постараюсь дойти до дома.

— Я попрошу Лори. Он сходит в конюшню, — сказала Джо, вздохнув с облегчением, когда эта мысль пришла ей в голову.

— Мерси, нет! Не проси никого и никому не говори. Принеси мне мои калоши и положи эти туфли к нашим вещам. Я больше не смогу танцевать, но как только ужин закончится, поищи Ханну и скажи мне, когда она придет.

— Гости сейчас будут ужинать. Я останусь здесь. Я бы хотела побыть с тобой.

— Нет, дорогая, сбегай и принеси мне кофе. Я так устала, что даже не могу пошевелиться.

Итак, Мэг откинулась на спинку дивана, тщательно спрятав калоши, а Джо, спотыкаясь, направилась в столовую, которую обнаружила только после того, как сначала заглянула в шкаф с фарфором, а потом открыла дверь комнаты, где старый мистер Гардинер подкреплялся в уединении. Бросившись к столу, она схватила чашку кофе, который тут же пролила на себя, испортив перед платьем так же, как и спину.

— О боже, какая же я дура! — воскликнула Джо, оттирая платье перчаткой Мэг.

— Чем я могу помочь? — спросил дружелюбный голос. Это был Лори, который в одной руке держал чашку с кофе, а в другой — тарелку с мороженым.

— Я пыталась отнести что-нибудь Мэг, она очень устала, но кто-то меня толкнул, и вот я здесь в таком милom виде, — ответила Джо, мрачно переводя взгляд с испачканной юбки на перчатку кофейного цвета.

“Too bad! I was looking for someone to give this to. May I take it to your sister?”

“Oh, thank you! I’ll show you where she is. I don’t offer to take it myself, for I should only get into another scrape if I did.”

Jo led the way, and as if used to waiting on ladies, Laurie drew up a little table, brought a second installment of coffee and ice for Jo, and was so obliging that even particular Meg pronounced him a ‘nice boy’. They had a merry time over the bonbons and mottoes, and were in the midst of a quiet game of BUZZ, with two or three other young people who had strayed in, when Hannah appeared. Meg forgot her foot and rose so quickly that she was forced to catch hold of Jo, with an exclamation of pain.

“Hush! Don’t say anything,” she whispered, adding aloud, “It’s nothing. I turned my foot a little, that’s all,” and limped upstairs to put her things on.

Hannah scolded, Meg cried, and Jo was at her wits’ end, till she decided to take things into her own hands. Slipping out, she ran down and, finding a servant, asked if he could get her a carriage. It happened to be a hired waiter who knew nothing about the neighborhood and Jo was looking round for help when Laurie, who had heard what she said, came up and offered his grandfather’s carriage, which had just come for him, he said.

“It’s so early! You can’t mean to go yet?” began Jo, looking relieved but hesitating to accept the offer.

“I always go early, I do, truly! Please let me take you home. It’s all on my way, you know, and it rains, they say.”

That settled it, and telling him of Meg’s mishap, Jo gratefully accepted and rushed up to bring down the rest

— Мне очень жаль! Я искал кого-нибудь, кого можно было бы этим угостить. Могу я отнести это вашей сестре?

— О, спасибо! Я покажу вам, где она. Я не предлагаю отнести самой, потому что боюсь попасть в еще одну передрагу.

Джо шла впереди, и, словно он давно привык ухаживать за дамами, Лори придвинул маленький столик, принес вторую порцию кофе и мороженого для Джо и был так любезен, что даже требовательная Мэг назвала его «милым юношей». Когда пришла Ханна, они весело проводили время за конфетами и остротами и в самом разгаре была тихая игра в «Бззз!» с двумя или тремя другими молодыми людьми, которые случайно забрели в комнату. Мэг забыла про свою ногу и вскочила так резко, что была вынуждена опереться о Джо, вскрикнув от боли.

— Тише! Ничего не говори, — прошептала она, а вслух добавила: — Ничего. Я немного подвернула ногу, вот и все, — и захромала наверх, чтобы надеть верхнюю одежду.

Ханна ворчала, Мэг плакала, а Джо была в полном отчаянии, пока не решила взять дело в свои руки. Выскользнув из комнаты, она побежала вниз и, найдя слугу, спросила, не может ли он найти для них экипаж. Это был наемный официант, который ничего не знал об окрестностях, и Джо оглядывалась в поисках помощи, когда подошел Лори, услышавший ее слова, и предложил дедушкин экипаж, который, по его словам, только что приехал за ним.

— Но ведь еще так рано! Вы ведь не собирались уходить? — с облегчением начала Джо, но все еще не решаясь принять предложение.

— Я всегда ухожу рано, правда! Пожалуйста, позвольте мне отвезти вас домой. Мне ведь с вами по пути, и, говорят, идет дождь.

Это решило дело, и, рассказав ему о несчастье Мэг, Джо с благодарностью согласилась и бросилась наверх,

of the party. Hannah hated rain as much as a cat does so she made no trouble, and they rolled away in the luxurious close carriage, feeling very festive and elegant. Laurie went on the box so Meg could keep her foot up, and the girls talked over their party in freedom.

“I had a capital time. Did you?” asked Jo, rumpling up her hair, and making herself comfortable.

“Yes, till I hurt myself. Sallie’s friend, Annie Moffat, took a fancy to me, and asked me to come and spend a week with her when Sallie does. She is going in the spring when the opera comes, and it will be perfectly splendid, if Mother only lets me go,” answered Meg, cheering up at the thought.

“I saw you dancing with the red headed man I ran away from. Was he nice?”

“Oh. very! His hair is auburn, not red, and he was very polite, and I had a delicious redowa with him.”

“He looked like a grasshopper in a fit when he did the new step. Laurie and I couldn’t help laughing. Did you hear us?”

“No, but it was very rude. What were you about all that time, hidden away there?”

Jo told her adventures, and by the time she had finished they were at home. With many thanks, they said good night and crept in, hoping to disturb no one, but the instant their door creaked, two little nightcaps bobbed up, and two sleepy but eager voices cried out...

“Tell about the party! Tell about the party!”

With what Meg called ‘a great want of manners’ Jo had saved some bonbons for the little girls, and they soon subsided, after hearing the most thrilling events of the evening.

чтобы привести остальных. Ханна любила дождь не больше, чем кошка, поэтому уговорить ее не составило труда, и они укатили в роскошном закрытом экипаже, чувствуя себя так, словно принадлежали к высшему обществу. Лори сел на козлы, чтобы Мэг могла вытянуть и держать ногу на весу, и девочки без стеснения обсуждали прошедшую вечеринку.

— Я отлично провела время. А ты? — спросила Джо, взъерошивая волосы и устраиваясь поудобнее.

— Да, пока не подвернула ногу. Подруга Салли, Энни Моффат, отнеслась ко мне с симпатией и попросила приехать к ней на недельку вместе с Салли. Она будет здесь весной, когда опера приедет на гастроли, и это будет просто великолепно, если только мама отпустит меня, — ответила Мэг, приободрившись от этой мысли.

— Я видела, как ты танцевала с рыжеволосым юношей, от которого я убежала. Он был милым?

— О, очень! Волосы у него золотисто-каштановые, а не рыжие, и он был очень вежлив, и мы с ним танцевали очаровательный редовак.

— Он прыгал как кузнечик, когда исполнял очередное па. Мы с Лори не могли удержаться от смеха. Нас не было слышно?

— Нет, но вы вели себя очень невоспитанно. Чем это вы занимались все время, прячась там?

Джо рассказала о своих приключениях, и к тому времени, как она закончила, они уже были дома. Рассыпаясь в благодарностях, они пожелали спокойной ночи Лори и прокрались в дом, надеясь никого не разбудить, но в тот момент, когда скрипнула дверь, над подушками подскочили два маленьких ночных чепчика и послышались два сонных, но нетерпеливых голоса:

— Как прошла вечеринка? Расскажите о вечеринке!

Проявив то, что Мэг называла «полным отсутствием манер», Джо принесла несколько конфет для младших сестер, и они вскоре успокоились, выслушав рассказ о самых волнующих событиях вечера.

“I declare, it really seems like being a fine young lady, to come home from the party in a carriage and sit in my dressing gown wit a maid to wait on me,” said Meg, as Jo bound up her foot with arnica and brushed her hair.

“I don’t believe fine young ladies enjoy themselves a bit more than we do, in spite of our burned hair, old gowns, one glove apiece and tight slippers that sprain our ankles when we are silly enough to wear them.”

And I think Jo was quite right.

Chapter 4

BURDENS

“Oh, dear, how hard it does seem to take up our packs and go on,” sighed Meg the morning after the party, for now the holidays were over, the week of merrymaking did not fit her for going on easily with the task she never liked.

“I wish it was Christmas or New Year’s all the time. Wouldn’t it be fun?” answered Jo, yawning dismally.

“We shouldn’t enjoy ourselves half so much as we do now. But it does seem so nice to have little suppers and bouquets, and go to parties, and drive home, and read and rest, and not work. It’s like other people, you know, and I always envy girls who do such things, I’m so fond of luxury,” said Meg, trying to decide which of two shabby gowns was the least shabby.

“Well, we can’t have it, so don’t let us grumble but shoulder our bundles and trudge along as cheerfully as Marmee does. I’m sure Aunt March is a regular Old Man of the Sea to me, but I suppose when I’ve learned to carry

— Клянусь, я действительно выгляжу как прекрасная молодая леди, которая возвращается домой с вечеринки в карете, а потом сидит в своем пеньюаре с горничной, которая ей прислуживает, — сказала Мэг, когда Джо перевязала ей ногу, смазав лодыжку арникой, и расчесала волосы.

— Не думаю, что прекрасные юные леди проводят время лучше, чем мы, хотя у нас подгорели волосы, старые платья, по одной перчатке на каждую и тесные туфли, из-за которых мы получаем растяжение лодыжек, по собственной глупости надевая их на бал.

И я считаю, что Джо была совершенно права.

Глава 4

ТЯЖЕЛЫЕ НОШИ

— Боже мой, как же тяжело снова пускаться в путь со своей котомкой, — вздохнула Мэг наутро после вечеринки, когда праздники закончились, а неделя веселья вовсе не располагала к тому, чтобы вновь браться за нелюбимую работу.

— Хорошо бы Рождество и Новый год никогда не кончались. Вот было бы здорово! — ответила Джо, удрученно зевая.

— Тогда бы мы и наполовину так им не радовались. Но ведь это так прекрасно — ужины, букеты, вечеринки и поездки домой, когда можно читать книги, отдыхать и ничего не делать. Так живут другие люди, и я всегда завидовала девочкам, которые ведут такой образ жизни, ведь я так люблю роскошь, — сказала Мэг, выбирая из двух платьев то, которое выглядело поновее.

— Ну, это не для нас, не будем ворчать и продолжим нести нашу ношу с радостью, как наша матушка. Я уверена, тетушка Марч — как старик-водяной, и, когда я научусь нести ее на своих плечах и не жало-

her without complaining, she will tumble off, or get so light that I shan't mind her."

This idea tickled Jo's fancy and put her in good spirits, but Meg didn't brighten, for her burden, consisting of four spoiled children, seemed heavier than ever. She had not heart enough even to make herself pretty as usual by putting on a blue neck ribbon and dressing her hair in the most becoming way.

"Where's the use of looking nice, when no one sees me but those cross midgets, and no one cares whether I'm pretty or not?" she muttered, shutting her drawer with a jerk. "I shall have to toil and moil all my days, with only little bits of fun now and then, and get old and ugly and sour, because I'm poor and can't enjoy my life as other girls do. It's a shame!"

So Meg went down, wearing an injured look, and wasn't at all agreeable at breakfast time. Everyone seemed rather out of sorts and inclined to croak.

Beth had a headache and lay on the sofa, trying to comfort herself with the cat and three kittens. Amy was fretting because her lessons were not learned, and she couldn't find her rubbers. Jo would whistle and make a great racket getting ready. Mrs. March was very busy trying to finish a letter, which must go at once, and Hannah had the grumps, for being up late didn't suit her.

"There never was such a cross family!" cried Jo, losing her temper when she had upset an inkstand, broken both boot lacings, and sat down upon her hat.

"You're the crossiest person in it!" returned Amy, washing out the sum that was all wrong with the tears that had fallen on her slate.

"Beth, if you don't keep these horrid cats down cellar I'll have them drowned," exclaimed Meg angrily as she tried to get rid of the kitten which had scrambled up her back and stuck like a burr just out of reach.

ваться, она сама оставит меня или станет такой легкой, что я перестану обращать на нее внимание.

Эта мысль позабавила Джо и подняла ей настроение, но лицо Мэг не посветлело, ведь ее ноша, состоявшая из четырех капризных детей, показалась ей тяжелой, как никогда. Она даже не попыталась принарядиться, как всегда, когда повязывала на шею голубую бархотку и делала красивую прическу.

— Какой смысл прихорашиваться, ведь меня никто не видит, кроме этих злобных недомерков, и никому нет дела, красивая я или нет, — прошептала она, шумно задвинув ящик секретера. — Я всю жизнь буду тянуть лямку и лишь изредка получать удовольствие, я состарюсь, стану уродливой и угрюмой, потому что я бедная и не могу радоваться жизни, как другие девочки. Как жаль!

Мэг спустилась вниз с понурым видом и весь завтрак была не в духе. Казалось, все остальные тоже были не в духе и завтракали с кислыми минами.

У Бет болела голова, и она легла на диван, пытаясь удобно устроиться вместе с кошкой и тремя котятками. Эми нервничала, потому что не выучила уроки и никак не могла найти свои калоши. Джо насвистывала и, собираясь, переворачивала все вверх дном. Миссис Марч изо всех сил старалась закончить письмо, которое нужно было сегодня же отправить, а Ханна брюзжала, потому что ей не нравилось так поздно вставать.

— Свет не выдывал такой сварливой семьи, — воскликнула Джо, выйдя из себя, опрокинув чернильницу, порвав оба шнурка на ботинках и сев на свою шляпку.

— Да, а ты в ней злее всех прочих! — возразила Эми, роняя слезы на грифельную доску и смывая ими неправильное решение задачи.

— Бет, если ты не отнесешь этих ужасных котят в подвал, я их утоплю! — воскликнула Мэг, пытаясь избавиться от котенка, который забрался к ней на спину и вцепился в платье, как репейник.

Jo laughed, Meg scolded, Beth implored, and Amy wailed because she couldn't remember how much nine times twelve was.

"Girls, girls, do be quiet one minute! I must get this off by the early mail, and you drive me distracted with your worry," cried Mrs. March, crossing out the third spoiled sentence in her letter.

There was a momentary lull, broken by Hannah, who stalked in, laid two hot turnovers on the table, and stalked out again. These turnovers were an institution, and the girls called them 'muffs', for they had no others and found the hot pies very comforting to their hands on cold mornings.

Hannah never forgot to make them, no matter how busy or grumpy she might be, for the walk was long and bleak. The poor things got no other lunch and were seldom home before two.

"Cuddle your cats and get over your headache, Bethy. Goodbye, Marmee. We are a set of rascals this morning, but we'll come home regular angels. Now then, Meg!" And Jo tramped away, feeling that the pilgrims were not setting out as they ought to do.

They always looked back before turning the corner, for their mother was always at the window to nod and smile, and wave her hand to them. Somehow it seemed as if they couldn't have got through the day without that, for whatever their mood might be, the last glimpse of that motherly face was sure to affect them like sunshine.

"If Marmee shook her fist instead of kissing her hand to us, it would serve us right, for more ungrateful wretches than we are were never seen," cried Jo, taking a remorseful satisfaction in the snowy walk and bitter wind.

Джо засмеялась, Мэг выругалась, Бет запричитала, а Эми зарыдала, потому что не могла вспомнить, сколько будет девятью двенадцать.

— Девочки, девочки, помолчите хоть минуту! Я должна отправить это письмо утренней почтой, а вы меня отвлекаете своими пустяками! — воскликнула миссис Марч, зачеркивая третье неудачное предложение в письме.

Тут же наступила тишина, которую нарушила Ханна, прошествовав в комнату, положив на стол два горячих пирожка и удалившись с гордым видом. Это были особенные пирожки, которые девочки называли «муфтами» за неимением настоящих, и они приятно согревали руки холодным утром.

Ханна никогда не забывала их приготовить, как бы она ни была занята и сердита, ведь путь им предстоял неблизкий, и идти приходилось в холодную и ветреную погоду. Второго завтрака у бедняжек не было, а домой они редко возвращались раньше двух часов дня.

— Прижми к себе покрепче своих кошек, Бетти, и они вылечат твою головную боль. До свидания, мамочка. Сегодня утром мы были бандой негодниц, но когда мы вернемся домой, то будем настоящими ангелочками. Пошли, Мэг!

И Джо неохотно зашагала прочь из дома, чувствуя, что пилигримам не подобает отправляться в путь так, как это сделали они. Как обычно, они оглянулись, прежде чем свернуть за угол, потому что мама всегда кивала им, улыбалась из окна и махала рукой. Казалось, без этого они не смогут пережить предстоящий день, потому что, независимо от их настроения, мелькнувшее на прощание лицо матери освещало их путь, как солнечный луч.

— Если бы матушка вместо воздушного поцелуя погрозила нам кулаком, то поделом нам, потому что таких неблагодарных созданий свет еще не видывал! — воскликнула Джо, которая получала полное раскаяния удовлетворение от прогулки по снегу под пронизывающим ветром.